

Н. Н. ВЕЛИКАЯ, В. Б. ВИНОГРАДОВ,
З. И. ХАСБУЛАТОВА, Д. Ю. ЧАХКИЕВ

ОЧЕРКИ ЭТНОГРАФИИ
ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Чечено-Ингушского государственного университета
им. Л. Н. Толстого*

Рецензенты:

сектор этнографии народов Кавказа Института этнографии АН СССР (зав. сектором — докт. ист. наук *С. А. Арутюнов*);

С. С. Агаширинова, докт. ист. наук (Дагестанский госуниверситет им. В. И. Ленина)

Очерки этнографии чеченцев и ингушей (дореволюционный период): Учебное пособие / Н. Н. Великая, В. Б. Виноградов, А. И. Хасбулатов, Д. Ю. Чакхиев / Чечено-Ингушский государственный университет им. Л. Н. Толстого, кафедра истории народов Северного Кавказа. Грозный, 1990. 96 с.

Данное учебное пособие, посвященное этнографии вайнахов дореволюционного периода, подготовлено в рамках научного сотрудничества межвузовской кафедры истории народов Северного Кавказа Чечено-Ингушского государственного университета имени Л. Н. Толстого и сектора археологии и этнографии Чечено-Ингушского ордена «Знак Почета» научно-исследовательского института истории, экономики, социологии и филологии.

Учебное пособие предназначено студентам, специализирующимся по проблемам истории и культуры народов Северного Кавказа.

Под редакцией докт. филол. наук *И. Ю. Алироева*

© Чечено-Ингушский государственный университет им. Л. Н. Толстого.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В благотворную эпоху перестройки и гласности, наступившую после исторического апрельского (1985 года) Пленума ЦК КПСС и XXVII съезда партии, резко обострился интерес молодежи, в том числе и студенческой, к прошлому родного края. Он носит многоплановый характер и касается социального и экономического развития, политических событий, религиозно-культурной обстановки и др. В том числе среди массы проблем и вопросов очень часто в аудиториях возникают и звучат такие: «Что знает наука о происхождении вайнахов и истоках их культуры?», «С каких пор эти народы заселяют территорию нашего края?», «В чем особенности их этнического, социально-экономического и культурного развития?». На эти и другие вопросы призвана ответить этнография — наука об этносах, народах.

Следует отметить, что сегодняшний облик народов, в том числе чеченцев и ингушей, их культура и быт складывались на протяжении тысячелетий под влиянием исторических и природно-климатических условий, традиций и обычаев предшествующих эпох, контактов и взаимовлияний с внешним миром, то есть соседними и иными народами.

История и этнография вайнахов неразрывно связаны с прошлым всех кавказских (и не только кавказских) народов, так как чеченцы и ингуши никогда не жили изолированно от своих ближних и дальних соседей, испытывали влияние и сами влияли на их социально-политическое, хозяйственное и культурное развитие.

Однако по отдельным проблемам и эпохам фактический материал бывает часто скуден, и это порождает не только спорность гипотез, но зачастую и далекие от истинной науки домыслы и мифы.

Выступая на встрече в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации и пропаганды страны, М. С. Горбачев так охарактеризовал указанные тенденции: «С одной стороны, растет, повышается культурный уровень всех наций и народностей, даже самых малых, выросла своя интеллигенция. Она изучает корни своего происхождения, порой это приводит к обожествлению исто-

рин и всего, что с ней связано, и не только прогрессивного» (Правда. 1987. 14 февраля).

Отсюда следует, что воспитывать историей, вносить в сознание молодежи научные концепции о прошлом — это одна из важных задач не только средств массовой информации, но и специалистов различных исторических дисциплин. Большую роль здесь призвана сыграть этнография как наука, изучающая происхождение народов, их быт, традиционную культуру, многоэтапное историческое развитие.

Однако с сожалением приходится отметить, что любознательный читательский контингент нашей многонациональной республики (включая и его студенческую часть) фактически лишен возможности составить пусть краткое, но достоверное представление об истории культуры и быта основного местного населения, давшего само название Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республике. Дело в том, что соответствующие сведения в обобщающих трудах отечественной этнографической науки (таких, например, как многотомный сериал «Народы мира», вышедший в конце 1950—1960-х гг. или вузовский учебник «Этнография» под редакцией академика Ю. В. Бромлея, изданный в 1986 г.) недостаточно полны и труднодоступны массовому читателю, как и многочисленные сугубо специально-научные монографии, статьи и публикации в столичных, региональных и грозненских журналах, сборниках. А работ учебно-познавательного плана, рассчитанных на честную студенческую молодежь и интеллигенцию, до сих пор не было написано, хотя такая потребность осознавалась давно и именно она побудила к составлению представляемого мною издания.

Основные факты по этнографии чеченцев и ингушей почерпнуты авторами из трудов дореволюционных и советских этнографов, историков, краеведов, фонд которых стал складываться с конца XVIII века — времени первых российских академических экспедиций, имевших целью начало комплексного изучения нашего края.

При этом следует подчеркнуть, что для дореволюционных исследователей (А. П. Берже, Ч. Ахриева, У. Лаудаева, Б. Далгата, Н. Харузина, Н. Ф. Грабовского, А. П. Ипполитова, Г. А. Вертепова, Ф. И. Леонтовича и др.) была характерна прежде всего описательность. Они, как правило, не задавались вопросами происхождения, социальной обусловленности тех или иных сторон материальной и духовной культуры вайнахов. Однако дореволюционными авторами был накоплен богатый этнографический материал (многие обычаи и традиции они наблюдали воочию), высказаны перспективные суждения, поставлен целый ряд проблем, нашедших свое дальнейшее развитие и решение в трудах советских этнографов.

После Великой Октябрьской социалистической революции, осо-

бенно в 20-х годах, начался процесс интенсивного изучения прошлого Чечено-Ингушетии. Большой вклад в исследование быта и традиционной культуры вайнахов внесли Л. П. Семенов, И. П. Шеблыкин, Б. Плечке, Е. М. Шиллинг, А. Н. Генко, А. Тутаев, Х. Д. Ошаев, Н. Ф. Яковлев, Н. Г. Мартиросьян, А. П. Христианович и другие.

Усилиями советских специалистов был расширен круг этнографических источников, они стали подвергаться более широким обобщениям, рассматриваться на общекавказском и мировом фоне.

После трагического излома в жизни нашего края, связанного с незаконными выселением чеченцев и ингушей и ликвидацией их государственной автономии в 1944—1956 гг. вследствие культа личности Сталина, в изучение основных проблем этнографии вайнахов включился большой интернациональный отряд ученых из Москвы (В. К. Гарданов, Н. Г. Волкова, В. П. Кобычев, Б. А. Калоев, Я. С. Смирнова и др.), Ленинграда (Л. И. Лавров, Е. А. Студенецкая), Тбилиси (А. И. Робаклизде, Р. Л. Харадзе, В. Дж. Итоношвили, Б. В. Гамкрелидзе и др.).

Выросшие местные кадры этнографов приложили немало усилий и достигли заметных успехов в деле изучения хозяйства чеченцев и ингушей (С. А. Хасиев), их общественного строя (И. М. Саидов, А. А. Исламов), семейного быта (З. И. Хасбулатова, Ф. И. Кудусова), религиозных верований и календарной обрядности (Н. Н. Бараниченко-Великая, З. А. Мадаева, А. И. Шамилев).

Большой вклад в исследование вопросов происхождения и культуры вайнахов внесли лингвисты (Ю. Д. Дешериев, И. Ю. Алироев, К. З. Чокаев и др.), археологи (Е. И. Крупнов, Р. М. Мунчаев, В. Б. Виноградов, В. И. Марковин, С. Ц. Умаров, М. Б. Мужухоев, М. Х. Багаев, С. Л. Дударев, Х. М. Мамаев, Д. Ю. Чахкиев, Т. Н. Нераденко, Б. М. Хашегульгов, Х. З. Бакаев и др.), топонимисты (А. С. Сулеймапов), исследователи фольклора (У. Б. Далгат, И. А. Дахкильгов, А. О. Мальсагов и др.).

Однако многие черты хозяйства, традиционной культуры и быта чеченцев и ингушей до сих пор остаются недостаточно изученными или все еще неосвоенными, что нашло свое отражение и в данном учебном пособии. Встречается и разнобой в оценках тех или иных проблем. Авторам не везде удалось преодолеть некоторую прямолинейность, односторонность излагаемых суждений. Ведь по ряду проблем вайнахской этнографии нет единой точки зрения, многое спорно, дискуссионно (например, уровень социально-экономического развития, этногенез, этническая история и пр.). В данной работе же та или иная из существующих точек зрения преподносится, порой, как единственная. Между тем, студентам было бы полезно получить представление и о нерешенных вопросах этнографии чеченцев и ингушей, войти в атмосферу академических споров, понять, какие проблемы пугдаются в дальнейшем исследовании.

Это соответствовало бы новому взгляду, который устанавливается сейчас на цели и задачи вузовского учебника. Впрочем, в данном конкретном случае это естественное несовершенство компенсируется отсылкой к специальной литературе, пространные списки которой завершают каждую главу.

В общем же, пособие представляет собой первую удачную попытку на современном уровне знаний обобщенно и доступно изложить основные проблемы этногенеза и этнической истории вайнахов, представить достижения их материальной и духовной культуры дореволюционного прошлого.

И. Ю. АЛИРДЖЕВ,
профессор, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Чечено-Ингушской АССР

Глава I. ВАЙНАХСКИЙ ЭТНИЧЕСКИЙ МАССИВ. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ВАЙНАХОВ С ДРУГИМИ НАРОДАМИ

Чечено-Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика расположена в юго-восточной части Северного Кавказа. С запада она граничит с Северо-Осетинской АССР, с востока — с Дагестанской АССР, с севера — со Ставропольским краем, на юге по отрогам Главного Кавказского хребта проходит граница с Грузинской ССР. Столица — г. Грозный.

Площадь республики 19,3 тыс. квадратных километров. С севера на юг Чечено-Ингушетия простирается на 170 км, с запада на восток — на 150 км.

На этой сравнительно небольшой территории представлены разнообразные природно-климатические зоны. В направлении с севера на юг выделяются: полупустыня, степь, лесостепь, горные леса; горные луга; снега и ледники.

В ландшафтном отношении Чечено-Ингушская АССР довольно четко делится на две примерно равные части: южную — горную и северную — степную, равнинную. На равнине и в предгорьях климат довольно мягкий, зима малоснежная, в горах значительно холоднее и осадков выпадает вдвое больше.

К числу природных богатств края можно отнести плодородные почвы; естественные пастбища, горные буковые деса, разнообразные минеральные источники, недра с нефтью и строительными материалами и др.

На территории края протекает самая большая река Северного Кавказа — Терек. Его притоком является Суижа, имеющая в свою очередь ряд многоводных притоков (Аргун, Асса и др.).

Большим разнообразием отличается растительный и животный мир.

Не случайно эта территория со столь благоприятными климатическими условиями была заселена человеком с глубокой древности (более 50 тыс. лет назад).

Ныне в Чечено-Ингушской АССР проживает около 1 миллиона

300 тысяч человек свыше 40 национальностей. Согласно последней переписи населения республики (1989 г.), среди них чеченцев — 743 501, ингушей — 163 711, русских — 293 711.

Коренные, наиболее древние насельники края — чеченцы и ингуши — живут большей частью на правобережье Терека и в горной зоне. Чеченцы занимают территорию на востоке от реки Фортанги, ингуши — на западе. Самоназвание чеченцев — «нохчий», ингушей — «гIалгIай». Оба эти народа нередко называют себя «вайнах», что значит «наш народ».

Вайнахи имеют многовековую, богатую и еще далеко не во всем познанную историю и культуру, питающуюся глубокими самобытными истоками и постоянно обогащающуюся в результате взаимопользованных контактов с внешним миром. Прогрессивную, хотя и весьма противоречивую роль в жизни чеченцев и ингушей сыграли долгие и разнообразные вайнахо-грузинские связи, а также длительный и сложный, взаимовыгодный процесс становления русско-вайнахского историко-государственного единства, в том числе и вхождения в российское подданство, под российское покровительство большинства вайнахских обществ и групп плоскостной и предгорной зон к концу XVIII века. Исключительное значение имели события героического освободительного народного по своему характеру движения горцев Северо-Восточного Кавказа (особенно в 20—50-х годах XIX века) против жестокого насаждения в их среде царской военно-административной системы управления. Десятилетия этой упорной и справедливой борьбы, вызывавшей широкий и восхищенный резонанс в мире (включая передовую демократическую общественность России), ее эпохально мотивированная диалектика привели к созданию полиэтнического по составу, феодального по сути и теократического по духу государственного образования — имамата Шамиля, в короткой, но яркой истории которого чеченцам принадлежит важная роль. Последствия освободительного движения против царизма и разочарования в перспективах альтернативного развития в рамках имамата во многом определили специфику истории последующего (вплоть до Великого Октября) этапа пребывания чеченцев и ингушей в составе Российского государства.

А все вместе это способствовало ликвидации политической и экономической разобщенности вайнахских обществ и складывавшихся народностей, ускорило их этническое, хозяйственное и социально-культурное развитие, приобщило к передовым идеям русского, общероссийского и мирового революционного движения, закалило вольнолюбивые народные традиции, придав классовый характер дальнейшей борьбе за лучшее будущее.

После установления Советской власти чеченцы и ингуши обрели собственную государственность. В 1922 году была образована Чеченская автономная область, в 1924 году — Ингушская. В 1934 го-

ду они объединились в Чечено-Ингушскую автономную область, преобразованную в 1936 году в автономную республику в составе РСФСР.

В 1944 году чеченцы и ингуши незаконно подверглись поголовному выселению с исконных земель в районы Казахстана и Средней Азии, а их автономная республика была ликвидирована в результате сталинско-бериевского произвола. После XX съезда КПСС, осудившего грубые нарушения ленинской национальной политики, в 1957 году автономия чеченцев и ингушей была восстановлена.

Ныне Чечено-Ингушетия представляет собой развитую индустриально-аграрную республику. На ее территории расположено более 130 промышленных предприятий, на долю которых приходится около двух третей совокупного общественного продукта. ЧИАССР является крупным центром нефтеперерабатывающей, нефтедобывающей и нефтехимической промышленности страны. Значительное развитие получили машиностроение, строительная, лесная, легкая, пищевая и другие отрасли. Они развиваются не только в Грозном, но и в других городах (Назрани, Аргуне, Гудермесе, Малгобеке). Промышленная продукция (более 1000 наименований) поставляется практически во все экономические районы страны и в более чем 30 стран мира.

Большие перемены происходят и в сельском хозяйстве, специализирующемся на производстве зерновых, овощей, фруктов, табака, риса, винограда и пр. Животноводческие хозяйства занимаются разведением крупного и мелкого рогатого скота, свиней, птицы. Определенные успехи достигнуты в области народного образования. В Чечено-Ингушетии около 600 общеобразовательных школ, десятки ПТУ, 12 техникумов, 3 вуза. Каждый третий житель республики учится.

Развивается национальная культура народов края. В ЧИАССР действует 4 театра (русский, чеченский, ингушский, а также кукольный театр, осуществляющий постановки на 3-х языках), государственные и народные музеи, цирк, филармония, работают сотни самодеятельных коллективов. На основе собственной письменности успешно развивается чечено-ингушская литература.

Вайнахская этническая общность, помимо чеченцев и ингушей, представлена за пределами Северного Кавказа бацбийцами (цова-тушинцами) и кистинцами Ахметского района Грузинской ССР. Кроме того, большие группы вайнахов проживают в Северной Осетии, Дагестане, Средней Азии и Казахстане, а также в странах Ближнего Востока.

Бацбийцы — одна из названных этнографических групп, известная в горной Грузии не позднее XVI в. Согласно этнографическим данным, ее ядро составляли финопинцы (жители Джедраховского ущелья горной Ингушетии), переселившиеся в Тушеттию из-за мало-

земель. Группа кистин окончательно оформилась во второй половине XIX в. из вайнахов Аргунского ущелья Чечни, не пожелавших подпасть под власть Шамиля.

Вайнахская этническая общность включала в себя аккинцев («аьккхий») и карабулаков («орстхой»). Последние были ассимилированы чеченцами и ингушами после массового переселения в Турцию, спровоцированного в 60-х гг. XIX в. (после окончания Кавказской войны).

Самую западную группу вайнахской этнической общности составляли ингуши. Область их расселения включала до XVII в. горные, а затем и равнинно-предгорные районы по течению рек Армхи, Ассы, Камбилеевки, Сунжи и некоторым их притокам. Эта этническая территория не была стабильной и постоянно создавалась в результате многочисленных и многовековых миграций и этнических процессов. Так, в районе Ларса в XVI — начале XVIII в. жило вайнахское население, сменившееся не позднее конца 20-х годов XVIII в. осетийским.

Не позднее конца XVII в. на р. Камбилеевке возник аул Ангуст, по названию которого окрестное население западных районов края стало именоваться «ингушами».

Многочисленные ингушские поселения на плоскости возникают в конце XVIII — начале XIX в. Российская администрация предоставляет ингушам право селиться на правобережье Терека и Сунженском хребте. Причем многие поселения на плоскости становятся многонациональными. В сел. Заурово (близ будущего Владикавказа-Орджоникидзе) проживали ингуши и осетины, в сел. Эндери («Яндырка» — недалеко от Назрани) — ингуши, чеченцы и карабулаки и т. д.

Восточными соседями ингушей были карабулаки и горные аккинцы. Обе группы занимали не только промежуточное географическое положение, но и осознавались как особые подразделения, не относящиеся ни к чеченцам, ни к ингушам.

Карабулаки занимали территорию в горах в верховьях р. Сунжи, Ассы, Фортанги. С конца XVIII в., после вхождения в состав России, наблюдается значительное продвижение карабулаков на равнину.

Аккинцы, помимо горных районов центральной части Чечено-Ингушетии, занимали земли в ичкеринских предгорьях («ауховды») и в районе теперешнего г. Хасавюрта (Дагестанская АССР).

Чеченцы, раньше всех приступившие к освоению плоскостных земель после падения Золотой Орды в XV—XVI вв., занимали правобережье Терека на севере, на юге этническая граница проходила в основном по Главному Кавказскому хребту, а с запада на восток — от Фортанги до Аксая и Хулхулау. Среди чеченцев

более четко выделялись равнинные (проживающие в Притеречье, по р. Сунжа, Гумс и др.) и горные общества (Шатой, Малхиста, Майста, Нашаха, Чаберлой и др.). К середине XVII в. в низовьях Аргуна существовало (и затем постоянно росло) селение Чечен (в дальнейшем — Большой Чечен, Чечен-аул), давшее имя «чеченцы» окрестному вайнахскому населению.

Все перечисленные народы давали пример теснейших генетических связей в языке, быту, материальной и духовной культуре. Они относятся антропологами к единому кавказскому типу. Все это соответствует и представлению самих народов, объединяющих себя общим термином — «вайнах».

Восточнославянское население Чечено-Ингушетии складывалось на протяжении длительного времени. «Беглые русские люди» дали начало гребейскому казачеству, известному в письменных источниках с XVI в. В притеречных районах по распоряжению правительства расселяются в дальнейшем донские казаки. Последующая колонизация русским населением Предкавказья связана с пореформенным периодом.

В состав гребенских казаков вливались группы чеченского населения. К числу таковых относятся гуноевцы (выходцы из сел. Гунь, Ичкерия) из станицы Червленной, а также Егоркины, Бусунгуровы, Титкины, Закаевы, Костиковы и другие, переселявшиеся к казакам в основном из-за нежелания принимать ислам и кровной мести.

В XVIII в. в Чечено-Ингушетии появляются довольно многочисленные поселения грузин и армян, спасавшихся здесь от притурецкой угрозы и плена (Сарафаниково-Шелковская, Щеринская, Старогладовская, Новогладовская и др.).

Немало было выходцев и с территории Дагестана (отходников, людей, спасавшихся от кровной мести и т. д.). Из обследованных этнографом Н. Г. Волковой 62 вайнахских селений в 58 зафиксированы фамилии дагестанских переселенцев (аварцев, даргинцев, лакцев, андийцев и др.). Особенно много их в Ичкерии и по Аргуну, а также в Аухе, Качкалыке, Чаберлое, в надтеречных селениях. Здесь они были ассимилированы местным населением, но помнили о своем происхождении.

Во второй половине XVIII в. в Чечне появляется много кумыкских переселенцев (Бамат-Юрт — Виноградное, Брагуны и др.). В ингушских селениях также существовали патронимические группы, ведущие свое происхождение от грузин, осетин, кабардинцев и других народов.

Исторические судьбы переселенцев были различны. Там, где они поселялись компактно, большими массивами, удавалось сохранить свою этническую специфику в культуре и в быту. Там же,

где происходило переселение небольших по численности групп, они постепенно ассимилировались.

Еще со времени до монгольского нашествия в северных районах края кочевали племена — предки ногайского народа и поны, не составляющего своей язык, обычаи и культуру.

Таким образом, чеченцы и ингуши никогда не были изолированы от окружающей их многовековой истории не были изолированы от окружающих племен и народов. Часть из них проходила по территории края, не задерживаясь надолго, другие находили здесь вторую родину, с третьими издавна поддерживались торгово-экономические, политические, культурные и иные взаимоотношения. Соприкасаясь с многочисленными окружающими народами, вайнахи воспринимали у них многие передовые элементы материальной и духовной культуры, в то же время делясь с ними тем положительным опытом, который был накоплен за века.

Особенно большое влияние оказывали друг на друга вайнахи и их соседи — гребенские и терские казаки.

Оставив в стороне политические и экономические отношения между русскими и чеченцами и ингушами, которые получили уже широкое освещение в трудах историков, коснемся лишь этнографической стороны взаимоотношений.

Еще в середине XVI в. беглые русские люди, спасавшиеся от крепостной неволи (казачи), установили тесные дружеские отношения с чеченским народом. На протяжении длительного периода истории горцы и казаки жили мирно, помогая во всем друг другу, роднились между собой. Они вместе оберегали рубежи Русского государства, беспрепятственно переселялись из казачьих городков в горские селения и наоборот, активно торговали.

По свидетельствам очевидцев, в казачьих станицах были жилища наподобие горских турлучные, с земляной крышей. Убранство жилища также напоминало горское. На стенах развешивалось оружие кавказского образца, на сундуках были сложены перины и ковры, вместо стульев и скамей чаще употреблялась чеченская трехногая скамеечка.

Горцы, в свою очередь, строили дома на русский лад, использовали городскую мебель.

Оружие как для горцев, так и для казаков, было непременным атрибутом, предметом гордости. Искусные староатагинские оружейники даже воспевались в казачьих песнях.

Одежда и манера ее ношения также во многом были общими. Казаки носили кавказскую бурку, папаху, башлык, черкеску, бешмет, пояс, кинжал, газыри. Женщины надевали рубахи с широкими рукавами и бешметы, голову покрывали платком. В костюм горцев постепенно появлялись элементы европейской одежды.

торую все больше начинали шить из привозных фабричных тканей. В начале XX в. и женщины-горянки стали постепенно отказываться от традиционной одежды.

Казаки переняли у горцев целый ряд национальных блюд: лепешки с начинкой из сыра и овощей, пресный хлеб, смесь творога с топленым маслом и другие. В свою очередь, горцы стали употреблять в пищу большее количество ранее неизвестных овощей, блюд, готовить заквашенное тесто.

У терских и гребенских казаков были в ходу горские музыкальные инструменты: зурна, свирель, двухструнная балалайка, барабан. В то же время, у чеченцев и ингушей значительное распространение получили русские гармоники, на которых в основном играли женщины.

Казаками были восприняты не только мелодии горских песен, но и виды танцев (например, наурская лезгинка), широко бытовал обычай джигитовки.

Очень много общего наблюдалось и в характере казаков и горцев.

Веками общаясь друг с другом, казаки и горцы постоянно пополняли за счет друг друга словарный запас. Современники отмечали, что речь казаков «приняла оригинальный склад» и сами себя они называют не русскими, а казаками, и практически в каждом из них течет кровь чеченца, кабардинца, ногайца и других народов Кавказа.

Многие терские и гребенские казаки были кунаками чеченцев; они гордились этой дружбой и передавали ее из поколения в поколение. По словам Л. Н. Толстого, «живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычай, образ жизни, нравы горцев... Еще до сих пор казачьи роды считаются родством с чеченцами».

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
Боцбадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических взаимоотношениях XVI—XVIII вв. Тбилиси, 1974.
Вехи единства. Грозный, 1982.
Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI—начале XX в. Грозный, 1981.
Виноградов В. Б. Новое в периодизации и характере грузино-северокавказских историко-культурных связей (до начала XX века) // IV Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983.
Виноградов В. Б. Памяти вечная нить. Грозный, 1988.
Виноградов В. Б. Исторический эпос о вайпахо-кабардинских отношениях // Геронко-исторический эпос народов Северного Кавказа. Грозный, 1988.
Виноградов В. Б. Народной памяти следы. Грозный, 1989.
Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII—начале XX века. М., 1974.

- Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985.
- Генко А. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллеги востоковедов при Адагском музее АН СССР. Т. 5. Л., 1930.
- Город Грозный. Популярная очерки истории. Грозный, 1984.
- Гриценко Н. П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков. Их взаимное влияние друг на друга // АЭС. Т. 3. Грозный, 1969.
- Гриценко Н. П. Горский аул и казачья станица Терка накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972.
- Гриценко Н. П. Истоки дружбы. Грозный, 1975.
- Дагдугат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972.
- Заседательев Л. Б. Терские казаки. М., 1974.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
- История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М., 1988.
- История народов Средневековой Ингушетии. М., 1971.
- Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1968.
- КЭС. Вып. 2. Тбилиси, 1986.
- КЭС. Вып. 6. Тбилиси, 1986.
- Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20—50-х годах XIX в.: Тез. докл. конф. Махачкала, 1989.
- Народы Кавказа. Т. 1—2. М., 1960, 1962.
- Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967.
- Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. Грозный, 1972.
- Очерки истории Чечено-Ингушской АССР со стародавних времен. Вып. 1. СПб., 1880.
- Попко П. Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1. СПб., 1880.
- По Чечено-Ингушетии. Путеводитель. Грозный, 1980.
- Приазии: добрые плоды. Грозный, 1987.
- Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII—начало XX в.). Грозный, 1983.
- Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963.
- Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986.
- Толстой Л. Н. Произведения о Кавказе. Грозный, 1950.
- Чечено-Ингушетия. Альбом. М., 1982.
- Чечено-Ингушетия в составе России в конце XVIII—середине XIX века: Тез. докл. конф. Грозный, 1989.
- Яковлев Н. Ф. Ингуши. М.: Л., 1925.
- Яковлев Н. Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927.

Глава II. ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ И ЭТНОГЕНЕЗА.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Проблема этногенеза (то есть происхождения) чеченцев и ингушей является одной из малонизученных и дискуссионных в кавказоведении.

По данным последних исследований, вайнахский язык входит в северокавказскую семью языков. Общесеверокавказский праязык распался еще в V—IV тысячелетии до н. э. Из него выделились северо-западнокавказская (абхазо-адыгская) и северо-восточнокавказская (нахо-дагестанская) группы языков. По мнению лингвистов, в некогда обширную северокавказскую семью входил целый

ряд древних языков (хеттский, этрусский, хуррито-урартский, баскский и др.).

Наше северокавказская семья языков представлена абхазо-адыгской и нахо-дагестанской группами. Однако ряд исследователей (Ю. Д. Дешериев, А. С. Чикобава и др.) считает неправомерным говорить о «нахо-дагестанской языковой общности». В целом, северокавказские языки имеют между собой 15—20% сходства в лексике, причем нахские языки не ближе к дагестанским, чем к абхазо-адыгским. Поэтому есть основания утверждать, что в северокавказскую семью языков входят три самостоятельные группы — абхазо-адыгская, нахская и дагестанская.

По данным археологии, уже в VI тысячелетии до н. э. на Кавказе сложилась раннеземледельческая культура, расцвет которой приходится на V—IV тысячелетия до н. э. Древнейшие массовые памятники этой культуры находятся в Восточном Закавказье. Начиная с IV тысячелетия до н. э. происходит распад данной культуры на две взаимосвязанные зоны — Восточнокавказскую и Западнокавказскую. Напомним, что приблизительно в это время распадается на группы и северокавказский праязык. По мнению О. М. Джапаридзе, сго нахо-дагестанские носители перемещаются на территорию к северу от Кавказского хребта.

В IV тысячелетии до н. э. на территории Армянского нагорья и Куро-Аракского двуречья складывается так называемая куро-аракская культура, распространившаяся затем почти на все Закавказье, Дагестан, Чечено-Ингушетию, некоторые районы Северной Осетии. На юге она охватывала северо-западную часть Ирана и восточную Анатолию. Раньше ее создателями считали хурритов, и настоящее время все большее число исследователей склоняется к мысли об индоевропейском (или сильно индоевропеизированном) облике куро-араксинцев (пракартвельцев). Заметим, что доля соответствия вайнахской и индоевропейской лексики довольно высока и, по мнению некоторых специалистов, составляет 36%.

Со второй половины III тысячелетия до н. э. в Закавказье появляются хурриты, известные под этнонимом «улли» (хурритское племя улли). Часть куро-араксинцев перемещается в центральные районы Северного Кавказа, а их поселения в Закавказье в результате внешнего нашествия с юга (XXII—XXI вв. до н. э.) прекращают свое существование. Именно с этими событиями, с проникновением хурритов на Кавказ, и можно связать начальный этап этногенеза вайнахов. Ведь наибольшую близость вайнахские языки обнаруживают именно с хуррито-урартскими.

Идея относительно родства нахо-дагестанских и давно уже «мертвых» хуррито-урартских языков была сформулирована в середине 50-х годов нашего столетия польским лингвистом Я. Брауном и советским языковедом Г. А. Климовым. Впоследствии ее раз-

работывали Ю. Д. Дешериев, И. М. Дьяконов, С. А. Старостин и другие исследователи, пришедшие к выводу о принадлежности хуррито-урартского и нахо-дагестанских языков к Восточнокавказской ветви «Кавказской», «Иберийско-Кавказской», «Яфетической» (так она именовалась ранее) языковой семьи. Таким образом, истоки этногенеза большинства северокавказских народов, в том числе и вайнахов, уводят нас в западноазиатский (ближневосточный) мир. Приход хурритов — одних из предков вайнахов — на Кавказ и смешение их с индоевропейцами создали ту особенность вайнахского языка, которая характеризуется тесными связями последнего как с хуррито-урартскими, так и с индоевропейскими языками.

Возможно, что в процессе определенного симбиоза пришлых хурритов и местных куро-араксинцев, из общехурритского языка выделился тот диалект, на основе которого стал формироваться протовайнахский (нахский) язык.

Отметим, что между племенами хуррито-урартского мира и Центральным Северным Кавказом вплоть до раннего средневековья включительно существовал своеобразный этнолингвистический «мост», состоявший из родственных как хуррито-урартам, так и вайнахам народов (эры, двалы, цанары, гергеры и др.). Впоследствии часть из них смешалась с армянами, часть с азербайджанцами, кахетинцами, юго-осетинами, горногрузинскими племенами. По-видимому, наличие указанного «моста» и поддерживало те языковые сходства, которые наблюдались у столь отдаленных друг от друга народов. Южная его оконечность на определенном этапе истории была представлена халдами-урартийцами, а северная — предками современных вайнахов.

Во II тысячелетии до н. э. в горной зоне края проживало население, близкое к закавказскому (памятники у сел. Малый Харсеной и Саади-Котар). А в приграничных районах Чечни и Дагестана складывалась яркая культура, которая, несмотря на сильное протовайнахское влияние, продолжает сохранять традиции предшествующего времени (могильники у сел. Бельты, Гатын-Кале, Гинчи и др.). На ее основе формируются каякентско-харачоевские древности (XIII—VIII вв. до н. э.). Уже в это время памятники Восточной Чечни по ряду характерных признаков отличаются от дагестанских, что предполагает и углубление черт этнолингвистического своеобразия. Дополнительные различия появились в связи с проникновением в горную Чечню носителей индоевропейской речи, которые подвергались ассимиляции со стороны местных племен.

В I тысячелетии до н. э. закладываются основы формирования непосредственных предков нахских народов. На рубеже II—I тысячелетия до н. э. на территории Чечено-Ингушетии появились племена — носители знаменитой кобанской культуры, занимавшей первоначально горные районы обоих склонов Центрального Кав-

каза. По мнению Б. В. Техова, эта культура имела закавказское происхождение.

Я. А. Федоров считал, что племена кобанцев говорили на пра-абхазо-адыгских языках. Однако топонимические и иные данные позволяют считать их язык близким к хурритскому. В. Б. Виноградов еще в 1972 году отнес по крайней мере часть носителей кобанской культуры к протовайнахам.

При взаимодействии кобанской и каякентско-харацоевской культур (последняя покрывала горную часть Восточной Чечни и Дагестана) происходило органическое слияние местного субстратного и пришлого компонентов. Результатом было появление племенных групп, имевших оригинальные черты материальной и духовной культуры. Можно полагать, что этнический и культурный синтез пришлых «кобанцев» с частью «харацоевцев» и обитателей центральных и западных районов Чечни послужил основой формирования собственно протовайнахских этнических групп.

В скифское время (VII—IV вв. до н. э.) происходит окончательное сложение локальных отличий внутри кобанской культуры, что позволяет говорить об этнической неоднородности ее носителей, явившихся предками не только будущих вайнахов, но также и осетин, карачаевцев и балкарцев — народов, имевших кавказские корни, но в силу ряда исторических обстоятельств сменивших впоследствии свой язык.

Эта эпоха характеризуется вступлением кобанцев в контакты (в том числе и этнические) с ираноязычными кочевниками. Восточные «кобанцы» также активно взаимодействовали с близкородственными племенами Центрального Кавказа, с обитателями Ичкерии (Юго-Восточной Чечни).

Важными событиями явились падения древневосточных государств (Урарту, Мани) под давлением киммерийцев, скифов, персов. Однако памятники материальной культуры не позволяют говорить о переселении народов, населявших эти государства, на территорию Северного Кавказа.

В сарматский период истории (III в. до н. э. — IV в. н. э.) контакты местного населения с представителями новой волны пришлых кочевников становятся еще более тесными. В результате активно протекавших интеграционных процессов, в традиционной контактной зоне между горами и степью происходило не просто сближение, а слияние, синтез, в результате чего складывались качественно новые этнообразования, отличные как от степных сарматов, так и от горнокавказских племен. В области материальной культуры это отразилось в появлении новых категорий предметов, не характерных для прежних культур. Именно в этой новой среде получает и широкое распространение такая форма погребального сооружения, как катакомба, известная сарматам, но не пользовавшаяся

ся у них ранее популярностью. Складывающийся таким образом этнокультурный комплекс в дальнейшем в средневековую аланскую народность, имевшую сложение большинства народов Северного Кавказа.

По данным античных авторов (Страбон, Плиний, Кл. Птолемей), на территории края в этот период проживали такие (вероятно, ирские) племена, как хамекиды, аккисы, гарганы и др. Возможно, что последний термин обозначал те жившие на территории протобайнахские племена, которые имели тесные этнические связи с сарматами.

Таким образом, этнические процессы, протекавшие на территории Чечено-Ингушетии в глубокой древности, были чрезвычайно сложны. В них принимали участие пракартвельские, хурритские, прадагестанские, индоевропейские, иранские элементы, тесно и неоднозначно взаимодействовавшие между собой.

Раннесредневековая история центральных районов Северного Кавказа связана с тремя основными этническими массивами: кавказским, иранским, тюркским. Причем в течение всего I — начала II тысячелетия н. э. древний кавказский компонент не только сохранился, но и был наиболее устойчивым. При этом основное ираноязычное население края было сосредоточено в центральных и западных районах Среднего Причерноморья. В некоторых районах Ичкерии отмечено совместное череполосное проживание алан и кочевнических племен. Определенное тюркское присутствие (хазары, половцы-кипчаки) фиксируется в северо-восточных областях. Кочевнические древности этого круга, как правило, поздние и малочисленные.

В конце IV — первой половине XIII в. продолжались тесные взаимоотношения местных племен, формирующихся в байнахскую народность, с соседними народами. В кавказской историко-географической хронике группы байнахов известны под именами «ахчаматян», «кистов», «дзурдзуков», «глигвов», «мелков» и др. Некоторые из них, по-видимому, были включены в границы Аланского государственного образования, оформившегося в X—XII вв.

В период средневековья внутри байнахской общности происходили перемещения как с юга на север, так и с севера на юг. По мнению многих исследователей, байнахи обитали по обе стороны Главного Кавказского хребта, причем часть из них была впоследствии грузинизирована (группы хевсур, тушин, пшавов). Так, отмечено вторичное появление байнахских (протонингушских) элементов в начале II тысячелетия н. э. в ущелье р. Армавиры в среднетечении Асны, где они вытеснили или ассимилировали аланское население. Таким образом, становление западной группы байнахов происходило не без участия ираноязычных племен, о чем свидетельствуют и особенности ингушского языка.

В данный период вайнахское общество переживает активизацию процесса классовобразования, устанавливает тесные связи с Грузинским феодальным государством, распространявшим в крае христианство.

В середине XIII в. Северный Кавказ и Закавказье переживают опустошительное нашествие чингизидов. Это во многом нарушило сложившиеся хозяйственные, политические, торговые, культурные и иные связи, приостановило процессы социального расслоения и этнической консолидации местного общества.

Разрушив большинство поселений на плоскости, Золотая Орда на два столетия устанавливает контроль над степями Северного Кавказа, однако горные районы остаются фактически недоступными для ее владычества.

В конце XIV в. Юго-Восточная Чечня переживает нашествие среднеазиатского эмира Тимура, в результате которого прервалось сложение кумыко-вайнахского (как полагают авторы) государственного образования («царства Сим-Сим»), занимавшего порубежья Чечни и Дагестана.

Ослабление Золотой Орды, вызванное непрерывной борьбой как покоренных ею, так и непокоренных народов, а также внутренними социально-экономическими причинами, привело к изменению этнической обстановки в крае. Кумыкские, кабардинские, ногайские феодалы пытаются прочно освоить бассейн р. Терек и его южных притоков. В XV—XVI вв. особенно интенсивно происходит переселение восточных групп вайнахов с гор на плодородные равнины, часть из которых на первых порах оказалась в зависимости от соседних феодалов и вынуждена была принимать под их влиянием ислам.

Население западных областей края приступает к освоению плоскостных земель позднее (в XVII—XVIII вв.), так как этому препятствовала кабардинская социальная верхушка.

Переселение вайнахов на равнину имело важные социально-экономические и политические последствия. Оно определило прогресс земледелия, скотоводства, ремесел, торговли, резко активизировало контакты с соседними народами, дало новый толчок процессу феодализации.

В процессе общественно-экономического развития и расширения связей между отдельными обществами прежняя замкнутость разрушалась и отходила в прошлое. Процессы консолидации народов получили дальнейший импульс и стимул для своего развития. Именно тогда происходит складывание чеченской, ингушской, карабулакской, аккинской народностей.

Как нации чеченцы и ингуши сформировались уже при социализме.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
 Алироев Н. Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1987.
 Археология и погребения этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
 Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Древние свидетельства о названии
 и размещении нахских племен//АЭС. Т. 1. Грозный, 1966.
 Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское
 время. Грозный, 1972.
 Виноградов В. Б. Вайнахо-аланские взаимоотношения в этнической ис-
 тории горной Ингушетии//Советская этнография. 1979. № 2.
 Виноградов В. Б., Дударев С. М., Бакаев Х. З. Ранние этапы эт-
 ногенеза вайнахов (первая попытка реконструкции)//Археология и краеведение—
 вузу и школе (Вторая региональная научно-практическая конференция): Тез.
 докл. конф. Грозный, 1985.
 Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.,
 1973.
 Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в
 XVIII — начале XX века. М., 1974.
 Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе,
 1985.
 Гамрекели В. Н. Дзази и Дзагети в I—XV вв. н. э. Тбилиси, 1961.
 Деширнев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков
 и проблема происхождения и исторического развития горских кавказских наро-
 дов. Грозный, 1969.
 Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
 Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.
 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.
 М., 1986.
 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.
 Крупинов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
 Крупинов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
 Коналлевская В. Б. Кавказ и аланы. Века и народы. М., 1984.
 Кузнецов В. А. Аланы в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
 КЭС. Вып. 2. Тбилиси, 1968.
 КЭС. Вып. 6. Тбилиси, 1986.
 Меликишвили Г. А. Возникновение Хеттского царства и проблема древ-
 нейшего населения Закавказья и Малой Азии// Вестник Древней истории.
 1965. № 1.
 Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967.
 Сказы, сказания и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986.
 Тейсх Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977.
 Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе.
 М., 1978.

Глава III. ХОЗЯЙСТВО

§ 1. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Особенности природно-климатических условий определили специфику хозяйства вайнахов. На плоскости главным занятием населения было земледелие, в горах — скотоводство (здесь насе-
 ление обеспечивало себя хлебом только на несколько месяцев в
 году).

В горных районах Чечено-Ингушетии получила широкое распространение террасная система земледелия, что было вызвано малоземельем и естественно-географическими условиями. У прироста отводился каждый клочок земли, более или менее пригодный для посевов. Этим обеспечивалась и защита почв от эрозии, которая достигла больших размеров из-за вырубки лесных массивов. Путем возведения террас весьма эффективно осваивались склоны гор, почвы предохранялись и от избыточной влажности. Террасы использовались для искусственного и естественного орошения. И таким образом, они являлись показателем интенсивного освоения земель.

Вайнахи различали 4 основных вида искусственных террас. Первый возник на пологих горных склонах в результате многовековой обработки их горными пахотными орудиями, отваливавшими пласт по склону вниз. Второй вид террас имел подпорную (каменную, деревянную, плетеную) стенку. Третий крепился посаженными у края деревьями. Четвертый был образован наносной искусственной почвой, которую укладывали на скальную выдолбленную основу.

Искусственные террасы можно наблюдать в горной зоне Чечено-Ингушетии и по сей день. Строительство их требовало затраты огромного труда и времени. Участок готовили под пашню так называемой подсекой. Последняя осуществлялась в несколько этапов: вырубка леса, корчевка пней и кустарников, сбор камней, выжигание. Затем начиналась обработка почвы (боронование, мотыжение, сев). Обработка одной десятины подсеки обходилась в 50—70 трудовых (включая и сев).

Террасирование продолжалось по несколько лет и было вызвано нехваткой пахотных земель. Террасы тянулись узкими полосками по склонам гор. Если полоса была не очень длинной, то ее обрабатывали мотыгой. В основном же земля вспахивалась посредством местного рала, сохи.

При подборе склона для террасы учитывалась ориентация места к солнцу, предпочтение отдавалось южным склонам. Здесь наблюдалась наибольшая инсоляция, что положительно действовало на структуру почвы, способствуя усвоению перегноя и поспеванию злаков в срок. Учитывая это, население высевало зерновые на северных склонах на 15—20 дней раньше, чем на южных.

После выбора подходящего места для террасы, его выравнивали киркой до такой степени, чтобы сделать участок более или менее горизонтальным. Если терраса устраивалась на подсечном участке, то для подпорок использовали вырубленные деревья. Затем создавался пахотный почвенный слой. Чернозем и перегной часто приходилось переносить выючным способом, а то и прямо на себе из речных долин. Для возведения каменных стенок при-

менали подходящий материал, который находили при расчистке участка. Стены для террас возводили сухой кладкой, без применения связующего раствора, приблизительно 1,0—1,5 м высотой.

Принесенную землю удобряли. Обычно такие «искусственные» силн органические удобрения. Обычно такие «искусственные» удобрения обрабатывали лишь через год и то мотыгами или заступами, а не пахотными орудиями.

Вайнахами были накоплены многочисленные знания по агротехнике и почвоведению, что достигалось в результате наблюдений и знания особенностей каждого микрорайона и веками приобретенного жизненного опыта. Так, например, почвы различались по цвету, структуре и составу. Учитывалось их расположение по горизонтали и вертикали. Пахотные участки обычно имели уклон от 6 до 35 градусов, покосы — от 20 до 50. Ценились земли, расположенные ближе к селениям. Дальние же, как правило, были хуже, так как не удобрялись из-за неимения дорог. Здесь выращивали менее требовательные культуры.

В горах непрерывная эксплуатация пахотных участков восполнялась постоянным внесением органических удобрений (в том числе и пометом голубей). Навоз крупного и мелкого рогатого скота вывозили на поля с помощью специальных опрокидывающихся кузовов («дзлпм») на полозной или колесной основе и корзины («бекха»), вмещавших до трех пудов органики. Террасные поля удобрялись и золой, которая оставалась после сжигания деревьев при подсеке. На истощенных землях порой устраивали стойбища для мелкого и крупного рогатого скота в осенне-зимний период. Если на участке сеяли пшеницу, то землю удобряли раз в два года, а если чередовали пшеницу, ячмень и рожь — то три раза в год. Прибегали и к определенным способам пахоты: один год пахали по горизонтали, другой — по вертикали.

На равнине удобрения, как правило, не применялись: здесь широко использовалось орошение. Наиболее крупные из каналов были отведены из рек Аргун и Хулхулау. Орошение практиковалось и в горах (Джейраховское, Галгаевское, Шатоевское и другие общества). Здесь применяли специальные желоба, сборные водопроводы из липовой коры.

В горах традиционной была плодосменная система при постоянном удобрении пашен. На равнине преобладающей стала система переоложного трехполья, когда вся земля делилась на три части: пашню, сенокос, выпас. Через определенное время выпас переходил в пашню, пашня в сенокос и т. д.

Традиционными земледельческими культурами чеченцев и ингушей были: ячмень — «мухх» (ср. инг.: «маьхх — хлеб»), пшеница — «кла», просо — «борц», овес — «кена», лен — «вета», фасоль — «кхобш», тыква — «глабакх», рожь — «сос» и другие

Позднее появляются кукуруза («хъаьжкла») и арбузы («хорбуз»). Во второй половине XIX в. кукуруза стала почти единственной культурой в предгорно-равнинной зоне. Высокие урожаи последней сделали Чечню житницей всего Северо-Восточного Кавказа. Постепенно она стала проникать и в горные районы края: только в Чечне возделывалось свыше 20 сортов.

Основными орудиями первичной обработки почвы (подсеки) являлись различные виды топоров и мотыг («диг», «дикаберг» и другие).

Пахотные орудия были трех основных видов: яремные пахотные орудия были распространены в высокогорной зоне («кож» или «кожан гур»); грядильные («нох») — в горной зоне; передковый плуг (также «нох») применялся в основном в предгорно-плоскостной зоне. Здесь также широко использовались деревянные плуги кумыкского, кабардинского, русского и украинского типов. Плуги фабричного производства стали проникать в Чечню-Ингушетию с 80-х годов XIX в.

По словам первого чеченского этнографа и историка У. Лаудаева, «подражая русским, они (чеченцы) заменяют горные сохи плугами, производят правильное хлебопашество и по этой отрасли промышленности превосходят прочие племена окружающих стран».

Наиболее распространенными орудиями сева у вайнахов были перемётная сума («таьлсаш»), кожаные мешки («паьлдинг»), деревянные лукошки и т. д.

Традиционным орудием для заделки посевов служила волокуша «дойзиг», имевшая самый различный вид: от простого снопа-терновника до волокуш, установленных на полозьях станинах. Использовались также «у долу мекха» — борона с доской, бревна с уплощенной нижней поверхностью, плетенки из молодой лозы, рамные треугольные и четырехугольные деревянные бороны с деревянными, а с конца XIX в. и железными зубьями иногда переметной длины, что облегчало возделывание кукурузы.

Посевы обрабатывались мотыгообразными и заступовидными орудиями. Прополка производилась и вручную.

Урожай собирали серпами, имевшими гладкие и зазубренные лезвия. С конца XIX в. широкое бытование получили фабричные серпы и заимствованные у русского населения косы.

В качестве средств доставки жатого хлеба использовались арбы, телеги, в горах — сани, специальные корзины, а с труднодоступных участков урожай иногда сбрасывали со скалы.

Молотили хлеб путем выбивания зерна копытами волов, а с конца XIX в. и лошадей, колесами телег, при помощи молотильной доски и молотильных катков, заимствованных у русского населения. Зажиточные чеченцы и ингуши имели конные и паровые молотилки.

К орудиям веяния у вайнахов относились деревянные лопата «бальха», которой подбрасывали зерно на ветер, корытообразные подносы, ременные сита, которые с 80-х годов XIX в. стали заменяться фабричными.

Все перечисленные работы выполнялись с весны по осень. Палота обычно производилась в апреле, жатва — в августе или сентябре.

С земледелием было тесно связано садоводство и огородничество. Вайнахи выращивали яблоки, груши, сливы, из овощей — лук, чеснок, тыкву и др.

§ 2. СКОТОВОДСТВО

Ведущую роль в хозяйстве горных районов края играло скотоводство. С ним была связана почти вся хозяйственная деятельность семьи: доение скота, заготовление мясо-молочных продуктов, их хранение, очистка скотных стоянок, организация пастушества и т. д.

Сырьевой базой скотоводства являлись альпийские луга и сенокосы. При наличии зимних пастбищ на плоскости стада достигали значительных размеров. Но этому не всегда способствовали политические условия.

О ведущей роли скотоводства свидетельствуют фольклор, обычаи горцев. Скот служил мерой стоимости при торговых сделках, уплате калыма, штрафа за кровь и т. п. При отправлении культовых обрядов в качестве жертвенных животных фигурировали быки, бараны, козы.

Овцеводство было повсеместно развито в Чечено-Ингушетии: овцы требовали меньше ухода, были менее прихотливы к корму, их можно было пасти на крутых склонах гор. Среди местных жителей славилась черкесская и калмыцкая породы овец (разводили также тушинских и карачаевских грубошерстных овец), у казаков были заимствованы овцы тонкорунной породы.

В горах овец держали или в селении, в крытых стоянках, или в долине на подножном корму, или же на горных зимних пастбищах, которые располагались на южных склонах гор. Летом скот всех видов находился на высокогорных альпийских лугах. С сентября спускался вниз на осенние и весенние пастбища, с ноября крупный рогатый скот находился в селе, где его переводили на сухой корм, овец выгоняли на зимние пастбища. Последние находились в окрестностях некоторых селений. Там же, где зимних пастбищ не было, овец держали на сухом корму (который давали утром и вечером) и поэтому в малом количестве.

В горных районах крупный рогатый скот разводили в ограниченном количестве из-за недостатка площади сенокосов. Сама подготовка кормов была очень трудным делом. Сенокосные участки

требовали постоянного ухода, их очищали от камней, иногда орошали. Зачастую косьба была связана с риском для жизни, поэтому перед работой по крутым склонам горцы привязывали себя ремнем к какому-нибудь выступу скалы или дереву. Скошенные копны сбра- сывались в таком случае вниз.

В плоскостных районах Чечено-Ингушетии преобладало разведение крупного рогатого скота. Быки, буйволы являлись рабочей силой при обработке пахотных земель, перевозке грузов, давали удобрения. Скотоводство и животноводство обеспечивало сырьем домашние промыслы (изготовление одежды, обуви, постельных принадлежностей, конской сбруи, рога использовались для изготовления деталей орудий и оружия) и пр. В пищу широко употреблялось коровье, овечье, козье молоко, из которого получали масло, сыр, творог, сливки и другие продукты.

С целью улучшения породности скота вайнахи приобретали быков и овец у терских и гребенских казаков.

В летние месяцы скот выпасался в горах, остальное время — на равнине. С появлением кукурузы поголовье стад резко увеличилось как в горах, так и на плоскости.

Чеченцы и ингуши издавна занимались коневодством, при этом предпочитали лошадей черкесской породы. Лошади использовались исключительно как средство передвижения, и ими владели далеко не все горцы.

Скот в горах был малорослый и малопродуктивный, что объяснялось суровыми климатическими условиями, нехваткой кормов зимой, отсутствием правильной селекции. Зато он был неприхотлив.

Между горными и равнинными районами Чечено-Ингушетии существовала определенная специализация, разделение труда. Горцы, получая хлеб с плоскости, имели возможность заниматься в основном скотоводством. Последнее до революции развивалось главным образом экстенсивным путем.

Однако следует подчеркнуть, что и в этой области вайнахами были накоплены обильные положительные знания. Так, пастбища разбивались на ряд участков, два из которых «отдыхали» по три года. Крупный рогатый скот, который подразделялся на молочный, нателы и молодняк, первым выпускали на пастбища, затем по ним прогоняли мелкий рогатый скот, также делившийся на овец, валухов и молодняк. Такой очередной порядок выпаса давал возможность сохранять пастбища и в то же время использовать их в полной мере.

Заготавливаемый на зиму корм вайнахи различали по питательности и сохраняемости. Траву с сырых лесных ложбин, скапливали скоту в первую очередь, ее не смешивали с другими видами, так

как она быстро портилась. Сено же с солнечных склонов оставля-
ли на самое голодное предвесеннее время.

Эти и иные мероприятия позволяли горцам увеличивать пого-
ловье скота, его привесы.

§ 3 ОХОТА

В прошлом важным занятием вайнахов считалась охота. Охо-
ничье искусство издавна высоко ценилось у местных жителей края,
изобиловавшего дикими животными — оленями, турами, медведя-
ми, кабанями, волками, рысями, сернами и прочими. В представ-
лении народа каждый горец должен был быть опытным охотником:
во время охоты он проявлял высокие качества, ценившиеся в муж-
чине — выносливость, наблюдательность, отвагу, искусство и
стрельбе и т. п. Обычно каждый дом чеченца и ингуша был укра-
шен шкурами животных, рогами туров, серн, оленей и прочими
трофеями.

Подготовка к охоте содействовала целому ряду практических (приве-
дение в порядок и совершенствование оружия, физические трени-
ровки и др.) и магических приемов (колдование над оружием, со-
блюдение различных запретов перед охотой, имитирование охоты
и пр.)

Основными средствами охоты у вайнахов являлись луки и
стрелы (последние были ряда типов и использовались для наибо-
лее эффективного поражения крупных животных, птиц и т. п.), ар-
балеты, копья, дротики, охотничьи ножи, ружья (правда, уже позд-
нее), разнообразные капканы и т. д. Для снятия шкуры животного,
во избежание ее порчи, использовался специальный деревянный
нож, сделанный из крепкой древесины.

Рога и кости убитых животных охотники приносили в святили-
ща и на культовые места, в дар богу — покровителю всех охотни-
ков и хозяину диких зверей — одноглазому Елте. Выходя на про-
мысел, к нему обязательно обращались с просьбой о помощи и по-
кровительстве. У вайнахов, как и у других народов Кавказа, быто-
вал так называемый «охотничий» язык, включающий иносказания
и словами иногоязычного происхождения. Таким образом охотни-
ки старались скрыть свои намерения от зверей и их покровителя.

Рациональное стремление сохранить для себя и потомков жи-
вотный мир облекалось зачастую в форму различных табу. В част-
ности, ограничена была охота на оленей. По существующему
верью, того, кто убьет много оленей, будут преследовать несчастия.
Были и специальные рощи-заповедники, где охота полностью
прещалась.

Популярность охоты в вайнахском быту подтверждается так-
же многочисленными археологическими находками в древности

края, петроглифическими сюжетами охоты на стенах средневековых башен, склепов и т. д.

Помимо продуктов охоты, пищевой рацион чеченцев и ингушей пополнялся за счет развитых у них в определенной степени рыболовства, пчеловодства и бортничества, садоводства, сбора дикорастущих плодов (орехов, яблок, кизила, мушмулы, и др.) и трав (черемши и т. д.).

§ 4. КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА

Очень важную роль в хозяйстве чеченцев и ингушей играли домашние кустарные промыслы. В. И. Ленин определил их как «переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает», при этом они составляют «необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство». (Полн. собр. соч. Т. 3. С. 328).

При существовавшем у вайнахов натуральном хозяйстве семья практически все свои основные потребности удовлетворяла сама. Причём значительная доля производственной деятельности лежала здесь на женщинах.

В Чечено-Ингушетии наибольшего распространения и значительного развития достигли обработка металла, камня, дерева, глины, шерсти, кожи, рога, кости, изготовление необходимой одежды, орудий труда, оружия, домашней утвари, средств передвижения и т. д. Некоторые домашние промыслы вайнахов развились до уровня ремесел (строительное, оружейное и др.), когда изделия производились на заказ и мастер был оторван от сельскохозяйственного производства.

Металлообработка. У чеченцев и ингушей в прошлом металлообработка находилась на довольно высоком уровне развития. Им были хорошо известны и эффективно использовались многие металлы: медь — «цаста», бронза — «яз», железо — «эчиг», сталь — «болат», олово — «гели», свинец — «даш», золото — «деши», серебро — «дети», латунь — «дар яз» и другие. Вайнахи превосходно знали температуру их плавления, ковкость, основные характерные качества и искусно владели общезвестными разнообразными технологическими приемами (непосредственное производство, сварка,ковка, термическая обработка и т. д.).

В области металлообработки наблюдается многочисленная специализация: здесь выделяются кузнецы, оружейники, ювелиры и другие. Была даже прослойка углежогов, представители которой занимались заготовкой древесного угля для металлургов. Уголь подразделяли на несколько сортов по качеству и назначению, полу-

чали из различных пород деревьев и использовали при изготовлении определенных категорий предметов.

Кузнечное ремесло. Оно издавна играло большую роль в хозяйственной жизни чеченцев и ингушей. Кузнецы изготавливали лемехи для пашенных орудий, серпы, косы, подковы, топоры, ножи, пицы для стрижки овец, гвозди, напочажные цепи, котлы, совки, шипцы, тесла, долота, зубила, кандалы для пленников, вертела, пошпы. С течением времени, а с появлением заводских металлических образцов они ремонтировали или копировали их. Имелись у вайнахов и целые династии квалифицированных потомственных кузнецов (например, в сел. Старые Атаги, Хакмадой, Верхний Туга, Цеча-Ахк, Эгикал, Салги, Кашнети и др.). В тех же районах края (обычно горных), где не хватало мастеров, особенно в период упадка честной ремесленной деятельности, существовала развитая практика найма кузнеца (так называемого общинного) сельским обществом на конкретное время. Например, в конце XIX в. отдельные горночеченские сельские общества на определенных условиях, сроком на один год, приглашали общинных кузнецов. Они были обязаны обслуживать и выполнять заказы на кузнечные изделия всех членов конкретных сельских обществ. Со своей стороны сельское общество отводило кузнецу участок земли из общественного надела (который обычно и коллективно обрабатывался), предоставляло ему право выпаса скота в неограниченном количестве на общинном выгооне, освобождало от всех натуральных повинностей и, кроме того, выплачивало ему хлебом по две меры или деньгами по 50—60 копеек с каждого двора. Сверх этого каждый заказчик обязан был хорошо кормить кузнеца, помогать ему в работе (доставлять необходимое количество угля, раздувать меха и пр.). Существовала и предельная норма заказов кузнецу от каждого члена общества.

Кузнецы у вайнахов считались наделенными особой таинственной, сверхъестественной силой и пользовались большим почетом в обществе.

Оружейное ремесло. Дошедшие до нас многочисленные разнотипные и разновременные образцы вооружения чеченцев и ингушей отличаются своей тщательной отделкой, качеством, что несомненно свидетельствует о той немаловажной роли, которую им отводили, а также прежде всего о сравнительно высоком мастерстве их непосредственных местных исполнителей. Во многих вайнахских поселениях (Шикарой, Бугарой, Джугурты, Дарго, Старые Атаги, Галанчож, Хай, Цеча-Ахк, Эгикал, Дошхакле, Шуап, Лежги, Эбни и др.) производились все основные виды бытовавшего защитного наступательного оружия, часто очень высоко ценившиеся у соседних народов, искусство и секреты изготовления которых передавались из поколения в поколение. Высокоразвитое у чеченцев и ингу-

шей в прошлом оружейное ремесленное производство было специализированным.

Особенно славились вайнахские оружейники своим мастерством в изготовлении образцов защитного вооружения, качество и прочность которых нередко проверялись непосредственно на мастере. Так, в высокогорной Чечне бытует интересное предание о некогда происшедшей здесь ссоре между местными маститыми оружейниками на почве профессиональной конкуренции: «Бойгуш и еще один мастер из Нашаха поспорили, кто из них изготовляет более прочные кольчуги. Чтобы решить спор, они наделли на себя изделия и стали осыпать один другого ударами. Победу одержал Бойгуш, который разрубил кольчугу соперника и при этом убил его самого». Интересно заметить, что в весьма сложном производстве, например, кольчатых доспехов, часто принимали активное участие и вайнахские девушки, слава о высокосортных изделиях которых получила реальное отражение в ряде грузинских этнографо-фольклорных сюжетов.

Имелись у вайнахов высокопрофессиональные ремесленники, обычно работавшие на заказ, по изготовлению и различных видов наступательного оружия. В частности, своим непревзойденным искусством изготовления личного оружия (луков, самострелов, стрел) отличались потомственные оружейники из чеченских средневековых горных обществ Майста, Нашаха, Ялхорой, Никарой и Хай, ингушских башенных поселков Цори, Мляшхи, Хамхи, Эгикал, Нелх, Гаппи, Салги, Эрзи, Бейши и др. Причем в производстве лучшего оружия существовали и более узкие специализации: имелось даже небольшое чеченское средневековое общество «Пхарчхой» — стрельники, то есть занимавшиеся в основном изготовлением стрел.

С появлением в крае ручного огнестрельного оружия постепенно и сами вайнахские мастера наладили производство «чеченских» и «ингушских» образцов вначале фитильного, а позднее кремневого видов данного оружия (например, в сел. Шикарой, Дарго, Ригаха, Старые Атаги, Махкеты, Карт, Салги, Шуац, Кашнети и др.), которые также пользовались определенной популярностью в регионе. Местными оружейниками копировались и наиболее совершенные восточные (турецкие, иранские, крымские и др.) образцы огнестрельного оружия. Было хорошо налажено у вайнахов изготовление пороха (путем добычи в натуральном виде селитры и серы близ сел. Чамга, Бавлой, Шатой, Шикарой, Шарой, Верхний Туга, Ушккалой, Мартап-Чу, Таргим, Хули, Лежги, Фуртоуг и других, выщелачивания подстилки в загонях для скота, специальной обработки крапивы, конопля т. д.), добыча свинца для пуль (в горных обществах Майста, Малхиста, Шарой, Хай, Кеи, около сел. Хакмадой, Бавлой, Гул, Пуй, Кост, Биср и др.) и различных принадлежностей к огнестрельному оружию (газыри, пороховницы и пр.). Во

многих местных поселениях проживали именитые мастера, специализировавшиеся на изготовлении высококачественного пороха и занимавшиеся его продажей (в частности, в сел. Джугурт, Кашети, Харпе, Фаллан, Лежги, Хули, Бавлой, Никрой, Верхний Кей, Ушкалой, Мартап-Чу и др.).

Высоко ценились в регионе качественные вайнахские шашки и кинжалы, производимые в сел. Джугурты, Дарго, Старые Атаги, Махкеты, Дошхакле, Салги, Шуан, Биср и др. Например, шашки мастеров из сел. Старые Атаги, как уже отмечалось, сравнительно высоко оценивались в песенном фольклоре терских казаков. Местные шашки отличались завидной прочностью и гибкостью: они свободно сворачивались и укладывались в обыкновенное домашнее сито для просеивания муки. Процесс производства шашек и кинжалов состоял из нескольких операций: изготовление клинка, пожен из дерева, рукоятки из рога или кости и т. д. На первой, самой сложной, весьма трудоемкой и специфической операции мастер работал с двумя помощниками, один из которых был очень сильный молотобоец. Качественный клинок делался трудно и долго (порой до 10 лет), обязательно калился на буковом угле. Закалку клинка производили планомерно по частям при помощи самых разнообразных средств: воды, различных жиров (предпочитались волчий или медвежий), соли и т. д. Бытовали многие разновидности местных клинков — «ядовитый», «вороненый», «зеркальный» и другие. До нас дошли также некоторые имена наиболее искусных вайнахских мастеров клинкового оружия XVIII — середины XIX в. — Махмад из сел. Джугурты, Муса из Дарго, Азиз и Камал из Шали, Техиг из Старых Атагов, Дудук Амхадов из Дошхакле, Зоки и Гатт Шанхоевы из Шуана.

Обычно за свою высококачественную продукцию, часто успешно реализуемую и в соседних районах Северного Кавказа, Дагестана и Грузии, мастера-оружейники брали плату скотом (быками, овцами, конями), тканями, деньгами, продуктами, котлами, металлами, невольниками, некоторыми видами вооружения.

Ювелирное дело. На поселениях края, рядом с иными мастерами металлообработки, на протяжении многих веков успешно работали также талантливые ювелиры, которые производили изделия не только из серебра и золота, но и для этих целей широко использовали бронзу, медь, олово, железо, камни и минералы. Наглядным результатом их искусного творчества являются разнотипные женские и мужские украшения (серьги, кольца, перстни, подвески, браслеты, фибулы, детали костюма и пр.), амулеты, конская сбруя, предметы культа, а также тщательно обработанные части разнообразного (особенно клинкового) оружия. В своей работе местные ремесленники умело сочетали различные операции по обработке металла: зернение, чернение, золочение, инкрустацию разноцветными вставками и другие.

В средневековые наиболее известными центрами ювелирного дела у чеченцев и ингушей являлись Шарой, Макажой, Никарой, Ял-хорой, Хай, Чеча-Ахк, Цори, Евлой, Верхний Алкун, Эгикал, Эрзи, Мецхал и другие.

Строительное ремесло. Территория Чечено-Ингушетии очень богата различными памятниками зодчества: мощные разнотипные башенные комплексы, склепы, мавзолеи, храмы, святилища характеризуются своей простотой, строгостью пропорций и изяществом конструктивных деталей. Одних только боевых, наиболее сложных в строительном исполнении, башен позднего средневековья в крае уже зафиксировано около 400. Жилых же башен и склеповых усыпальниц здесь насчитывается в десятки раз больше. И местные искусные зодчие на протяжении многих веков заслуженно славятся своим непревзойденным мастерством строительного ремесла на Центральном Кавказе. Многие величественные и долговременные каменные сооружения в соседних районах Северной Осетии и Грузии являются также наглядным результатом их гениального творчества. Память народа сохранила имена и фамилии наиболее талантливых вайнахских мастеров-строителей XVII — начала XIX в.: Дуго Ахриев, Дяди Льянов и Хазби Цуров из Футоуга, Бархичоевы из Бархина, Ханой Хипг из Хани, Тэк-Батык Эльдыев из Таргима, Мутт из Хачара, Тератой Тарханов из Никарой, Коха Бахарчиев из Цейлоя и многие другие.

Вайнахские зодчие, обладая всеми необходимыми навыками и секретами своего сложного ремесла, унаследованными от прежних поколений, при возведении разнообразных построек непосредственно выполняли основные операции и осуществляли руководство всем процессом строительства. Обычно работали отец и его старший сын, который проходил обучение и перенимал опыт этого ремесла. Остальные же члены семьи мастера занимались другими видами хозяйственной деятельности. Иногда строительным ремеслом была занята вся мужская часть той или иной семьи и даже фамилии. Активное участие в возведении постройки принимали все члены семьи заказчика, а также его ближайшие родственники и друзья, помогая, кто чем может: строительным материалом, рабочим скотом, пищей, деньгами, что «должно было свидетельствовать о родовой сплоченности и мощи». По обычаю, при строительстве башни массивные и наиболее дорогие угловые камни должны были приносить племянники хозяина, а арочные камни дверных и оконных проемов дарил зять. Каждая женщина, идущая за водой, должна была захватить по дороге камень и принести к строящейся башне.

Известь также очень ценилась: часто ее давали вместо выкупа, калыма, приданого, преподносили в качестве дорогого и желанного подарка.

Иногда при строительстве использовали наемных рабочих и при-

бегали к формам коллективной помощи (например, «бхи»). Заказчик бдительно следил за ходом работы, чтобы никто не смог причинить вреда постройке и работающим, в особенности мастеру-строителю. Правда, не всегда это ему удавалось.

В вайнахском обществе строителям-профессионалам отводили немаловажную, а порой и особо значимую роль. Так, убийство зодчего считалось тяжчайшим преступлением против всего общества. Хозяин-заказчик нес полную ответственность за жизнь и здоровье строителя, всячески его обхаживал и выполнял передко даже прихоти и капризы мастера. И это вполне понятно, ведь не имевшие башню или склеп в прошлом считались неполноценными членами общества, с которыми обращались как с низшими, опасались заключать браки и вести какие-либо дела. О таких людях с усмешкой и презрением говорили: «У них нет ни башни, ни склепа!» О наличии последних обязательно справлялись при сватовстве.

По преданиям, мастер на протяжении семи лет нес полную ответственность за качество своей работы. Если же за это время постройка давала трещину, рушилась или в ней фиксировался скрытый дефект, то зодчий подвергался публичному позору и был обязан полностью возратить заказчику полученную плату за строительство. В дальнейшем с ним опасались иметь какие-либо дела. Только наиболее искусные строители имели право оставлять отгиски своей руки на стенах завершенных сооружений. Довольно часто, преуспев в своем ремесле, зодчий приобретал богатство и знатность, породниться с ним считалось большой честью (даже если он происходил из «худобродной» фамилии или же был «чужеземцем»). Ведь за возведение одной только боевой башни строитель получал 50—80 коров или до 800 овец и еще подарок — лошадь или быка. За строительство жилой башни ему платили 10—25 коров. Иногда за возведение башенных и погребальных сооружений расплачивались землей, высококачественным оружием, металлами, рабами-плениками и т. д.

В позднем средневековье в среде вайнахских зодчих наметилась более узкая специализация в строительном деле: появление ряда профессиональных групп мастеров по возведению конкретного типа или вида построек (боевого, жилого, хозяйственного, погребального и культового характера) и менее квалифицированных ремесленников по добыче и обработке камня (камнерезчики, каменотесы). Только самые искусные строители были универсалами и умели воздвигать по нескольку типов или видов каменных строений.

Строитель не имел права сам добывать камень, даже для ремонта собственных хозяйственных построек; а был обязан для этой цели нанять людей со стороны. В противном же случае он лишался права в течение двух сезонов работать самостоятельно. А добыча камня осуществлялась повсеместно в горах Чечено-Ингуше-

тии (обычно в специальных штольнях-карьерах), а на плоскости — у каменных выходов близ сел. Исти-Су, Акташ-Аух, Горячеводска и многих других. Карьеры, расположенные около селений, принадлежали сельским общинам, которые решали вопрос о размерах добычи камня, его продаже, найме камнедобытчиков (как местных, чиков из 5—9 человек. При знакомстве мастера с камнерезчиками оговаривались условия заготовок, причем первая заготовка не браковалась зодчим, то группа считалась приступившей к работе.

Из полученного камня камнерезчики, например, изготавливали надмогильные памятники — «чурты». Многие из последних изготовлены весьма тщательно и являются наглядными образцами высоко развитого местного декоративно-прикладного искусства.

Деревообделочное ремесло. Широкому развитию деревообделочного ремесла у чеченцев и ингушей способствовало наличие в крае богатой сырьевой базы, а также значительные потребности в ней местного населения и соседних народов. Уже в средневековые деревообделочное ремесло у вайнахов было специализированным. Из дерева изготавливались изящная домашняя утварь и посуда, ульи, бочки, отдельные детали домов, хозяйственных орудий, оружия, повозки и т. д.

Обработкой разносортного дерева занимались преимущественно мужчины. В позднем средневековье наибольшее распространение у чеченцев и ингушей получила посуда, изготовленная на токарном станке — миски, чашки, стакановидные сосуды, бокалы, бочкообразные шкатулки и многие другие изделия. Вручную изготовлялось то, что имело нестандартную форму (ковши, половники, кружки, ложки, песты и пр.). Многие местные деревянные изделия украшались пышной резьбой, имели зооморфные ручки и прочий декор.

В 80-х годах XIX в. жители Аргунского и Веденского округов Чечни, а также горной Ингушетии вывозили за пределы своих районов для продажи такие изделия из дерева, как строительные доски, колеса, арбы, мельничные желоба, бочки, молотильные доски, ободья, оглобли, оси, спицы, столы, блюда, чашки, ложки, резные сундуки и иные разнообразные категории предметов.

Гончарное дело. С глубокой древности у вайнахов сравнительно высокий уровень развития имело гончарное ремесло, о чем свидетельствуют, в частности, весьма обильные и разнообразные археолого-этнографические источники. Различные уголки Чечено-Ингушетии весьма богаты залежами глины разного цвета и качества, которые активно разрабатывались вайнахскими ремесленниками (в частности, близ сел. Ялхой-Мохк, Майртуп, Сержень-Юрт, Шали, Нащаха, Ялхарой, Цеча-Ахх, Мужичи, Эгикал, Мецхал, Лежги и

др.). Искусные мастера керамисты изготовляли изящные, разнообразнейшие формы: кувшины, горшки, чашки, кружки, крупные хумы для хранения зерна и жидкости и другие изделия. Керамика в целом была хорошего обжига, черного, серого, темно-коричневого, но чаще красного цвета и весьма богато украшалась линейным, точечным и другими видами ornamentации. Некоторые сосуды имели зооморфные ручки или покрывались поливою. Последние пользовались широким спросом у местного населения и их соседей вплоть до начала XX в.

В конце XIX в. в связи с поступлением на местные рынки посуды заводского производства, гончарное ремесло у вайнахов переживает упадок и сливается с кирпично-черепичным.

Обработка шерсти. Большое развитие у вайнахов в прошлом получила также обработка шерсти, из которой изготовлялись различные сукна, платки, бурки, войлоки, кошмы, ковры, хурджины и прочие изделия. Это было весьма трудоемким делом и требовало колоссальных затрат. Так, на изготовление одной бурки требовалось около 10 кг чистой шерсти, и чтобы ее получить, вайнахская женщина должна была затратить 10—12 дней чистого времени. Поэтому родственницы, подруги и соседки по очереди помогали друг другу в этой работе.

Шерсть очищали, мыли, сортировали, теребили, расчесывали, пропускали через гребень, разрыхляли. И только после этого она шла в дело.

На местном рынке очень ценилось так называемое «чеченское сукно», которое изготовлялось в Грозненском, Веденском, Назрановском, Хасавюртовском округах вплоть до начала нашего столетия. Производство войлочных изделий и ткачество также являлись женскими занятиями.

Ковроделие. Вайнахские мастерицы умело изготовляли в прошлом несколько видов тонких войлочных ковров («истанг»); они могли быть разноцветными и однотонными, с бахромой или разноцветным орнаментом. Излюбленными цветами ковров были ярко-желтый, оранжевый, красный, зеленый и другие. Значительно трудоемкой работой было вырезание узора с одного войлока и вшивание его в другой, при этом шов обрабатывался шнуром и тесьмой. Мотивами узоров служили оленьи рога, спирали — древние символы солнца, растительный орнамент.

Бурочный промысел. Хорошо развитым и широко известным промыслом у вайнахов был бурочный. Так, Чечня являлась одним из главных центров Северного Кавказа по производству и продаже высококачественных бурок, отличавшихся прежде всего своей изысканной тонкостью, легкостью и надежностью. Чаберлоевские бурки находили активный спрос даже в Грузии и кумыкских владениях. Значительной славой пользовались добротные изделия из Старого

Юрта, Белгатыя и других местных селений. Изготовлением бурок занимались в основном женщины. Бурочное производство включало целый ряд сложных операций: валяние, укладывание, кройка и другие. Поэтому только одна бурка выделялась от нескольких дней до одного месяца, причем 4—10 работницами. Последние могли изготовить в год от 15 до 25 бурок.

Наиболее благоприятные условия для данного промысла были в плоскостной Чечне, так как здесь имелись горячие и сернощелочные источники, что облегчало мытье шерсти. Немаловажен был также тот фактор, что здесь близко располагались непосредственные рынки сбыта продукции. Шерсть для бурок поступала в основном из горных районов Чечни и Ингушетии. В 80-х годах XIX в. только в Чечне ежегодно производилось более 7000 бурок, и этим промыслом занималось около 500 семей.

Кожевенное производство. С давних пор чеченцы и ингуши успешно изготавливали различные изделия из кожи: мужскую и женскую обувь, пояса, конскую сбрую, некоторые компоненты и детали вооружения (колчаны, палучья и пр.), походные вещевые мешки («таьлсаш»), «тулуки» (надувные мешки для переправы на воде) и др. Из овчины шили тулупы, папахи, ноговицы и иные изделия. Имелись в крае и искусные мастера по выделке разноцветного (черного, красного, синего и зеленого) сафьяна. Последний прежде всего использовался для изготовления наиболее дорогих изделий.

Портняжное дело. Вайнахи издревле удовлетворяли собственные нужды в женской и мужской одежде, причем женщины являлись одновременно, как сообщают отрывочные письменные источники, «портными, ткачами, швеями, тесемщиками». Они же украшали одежду галунами, богатой вышивкой. О значительной степени развития портняжного дела у местного населения убедительно свидетельствует весьма обильная коллекция разнотипных (часто уникальных) образцов одежды и портняжного инструментария, уже известная из древностей Чечено-Ингушетии.

Шелкопроизводство. Чеченцам и ингушам хорошо было известно в прошлом как производство, так и обработка шелка. Например, в равнинной Чечне в конце XIX в. производилось более 800 пудов шелка-сырца. Из него традиционно изготавливались праздничная и наиболее дорогая одежда, тесьма, шнурки, галуны, пояса и другие различные изделия.

Среди иных хозяйственных занятий вайнахов следует отметить искусство обработки рога и кости, производство тростникового и арбузного меда, сбор дикорастущей марены, которую использовали для крашения шелковых нитей, сукна, шерстяной пряжи, сафьяна, а также и широко развитое сыроварение, мукомольное дело.

В ряде горных районов края (Шарой, Хакмадой, Хай, Датых,

Гидаборш, Мсхал, Лежги и др.) войнах добывали свинец, серебро, соль, охру и т. д.

На плоскости издавна велась добыча нефти, которая шла на собственные нужды и на продажу. В начале XIX в. местные князья Туртов продавали в казачьи станицы 500 и более бочек нефти. Ряд колодезей принадлежал и разрабатывался сельскими общест-
вами.

В пореформенный период, в связи с усилившимся ввозом изделий русской промышленности, местные кустарные промыслы вытесняются, переживают упадок. По словам В. И. Ленина, «падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота, серебра, кожи, сала, кож и т. д.: все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия» (Полн. собр. соч. Т. 3. С. 594). Лишь небольшой части местных кустарных промыслов удалось трансформировавшись, приспособиться к новым рыночным условиям.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3.
Алироев Н. Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975.
Алироев Н. Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978.
Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987.
Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.
Вертецов Г. А. Очерки кустарных промыслов в Терской области // Терский сборник. Вып. 4. Владикавказ, 1897.
Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII—начало XX века). Грозный, 1986.
Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII—первой половине XIX в. Грозный, 1961.
Гриценко Н. П. Горский аул и казачья станица Терка накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972.
Джигат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972.
Исаев Т. И. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. // Изв. ЧИНИИЯЛ. Т. 10. Ч. 3. Вып. 1. Грозный, 1974.
История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М., 1988.
Ипполитов А. П. Этнографические очерки Аргунского округа // ССКГ. Вып. 1. Тифлис, 1868.
КЭС. Вып. 2. Тбилиси, 1968.
КЭС. Вып. 6. Тбилиси, 1986.
Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.
Крупинов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
Мэтрграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.
Мартirosjan Г. К. Нагорная Ингушетия // Изв. ИНИИК. Вып. 1. Владикавказ, 1928.

- Мужухов М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII—XVII вв.) Грозный, 1977.
- Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967.
- Семенов Л. П. Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал // Изв. ЧИНИИЯЛ. Т. 2. Вып. 1. Грозный, 1960.
- Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963.
- Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986.
- Татаев В. А., Шабалаянц Н. Ш. Декоративно-прикладное искусство Чечено-Ингушетии. Грозный, 1974.
- Хасиев С. А. О столярном инструментарии вайнахов второй половины XIX—начала XX в. // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987.
- Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. М., 1971.
- Христиняков В. П. Горная Ингушия. К материалам по экономике альпийского ландшафта // Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. № 36. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 1928.
- Чакхиев Д. Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых вайнахов (XII—XVIII вв.) (археолого-этнографическое исследование): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
- Яковлев Н. Ф. Ингуши. М.; Л., 1925.

Глава IV. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

§ 1. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

Формы поселений. По форме вайнахские поселения довольно четко подразделяются на два основных вида — горные и равнинные. Горные поселения в силу ряда исторических обстоятельств и особенностей рельефа отличались скученной застройкой, развернутой в вертикальном плане, и располагались на крутых склонах гор, вершинах хребтов и т. п. Такая форма поселений возникла истари и особенно распространилась в средневековье; в период постоянных междоусобных распрей и внешних опасностей. Равнинные поселения имели сравнительно свободную, разбросанную планировку. Жилища находились в окружении дворов и приусадебных участков, а сами усадьбы группировались по фамильно-патронимической принадлежности. Следует отметить, что в XIX в. форма поселений на плоскости неоднократно менялась под влиянием военно-политических и иных причин (переселения на плоскость, укрупнения сел и др.), и поэтому характер традиционных вайнахских поселений на равнине — одна из нерешенных задач местной этнографии.

При расположении поселений на местности учитывался ряд условий: возможности обороны, близость к сенокосным и пастбищным угодьям, наличие источников воды и т. д. Не меньшую роль играла и высокая плотность населения в горной зоне и, как следствие, его малоземелье. Поэтому под поселения занимали, как правило, земли,

которые нельзя было эффективно использовать под пашню, сею-
кое или выпой.

Лишь после окончательного включения края в административно-
политическую систему России, особенно с середины XIX в., когда
политическая обстановка в целом стабилизировалась, а затем в го-
сударственной власти активизировался процесс освоения плоскост-
ных земель и наиболее неудобно расположенные поселения, также
как и вся горная зона в целом, стали быстро пустеть, обезлюдеть в
конце концов до недопустимого предела.

Типы поселений. В Чечено-Ингушетии преобладали полигенные
(соседские), но были и моногенные (фамильно-патронимические)
типы поселений. Последние в основном существовали в горной зо-
не, возникали они на вновь освоенных заимках и в лесистых пред-
горьях.

Традиционные поселения чеченцев и ингушей имели полигенный
характер, что подтверждает существование у них соседской общи-
ны. По данным А. П. Берже, собранным в середине XIX в., в гор-
ных чеченских обществах средний состав селений насчитывал
19—27 дворов. В ряде случаев полигенные селения образовывались
как владельческие, несмотря на то, что у вайнахов не было четко
выраженных сословий и классов. Отсюда название селения Эль-
пхьа (дословно «Княжеское село»), выражение «неха карта йила
бека пхьа» — «жившие у плетия сильных» и др. Появление мощных
оборонительных башен, укреплений замкового типа отразило ран-
нефеодалные отношения у вайнахов.

В предгорной и равнинной зонах издревле преобладали крупные
многофамильные поселения. Один из древнейших на равнине Че-
чено-гул, от которого идет современное наименование — чеченцев,
был, по преданию, так велик, что некий всадник, задумавший объ-
ехать его, заморил своего коня. Подобным же образом характери-
зует грузинский автор XVIII в. одно из первых ингушских поселе-
ний на равнине — аул Ангушт (Вахушти Багратиони). В плоскост-
ных селениях насчитывалось 100 и более дворов. А в Больших Ата-
гах, Исти-Су, Гермечуке в первой трети XIX в. было соответственно
500, 600 и 700 дворов.

Часть селений на равнине края имела смешанный этнический
состав.

Планировка селений. До революции планировка чечено-ингуш-
ских селений была хотя и не упорядоченной, но весьма разнообраз-
ной. Усадьбы группировались по фамильно-патронимической при-
надлежности. Сравнительно свободная разбросанная планировка
была распространена в лесистых предгорьях и на прилегающих к
ним равнинах. В горах чаще всего встречались поселения замко-
вого типа.

В XIX в. наблюдалась следующая планировка поселений:

замкнутая круговая кареобразного плана, замкового типа, скученная, террасообразная, свободная разбросанная, подворно-гнездовая, улично-квартальная.

В пореформенный период происходит упорядочение планировки и уплотнение застройки в равнинных селениях. Под влиянием роста торговой и промышленной деятельности населения в селах появляются лавки и различного рода кустарные промышленные заведения.

После окончания гражданской войны началось массовое переселение чеченцев и ингушей в плоскостные районы. Новые селения складывались как многодворные полигенные, где поселялись представители различных фамилий. Изменился и облик сел. В них открылись школы, больницы, клубы, библиотеки, появилось множество подсобных, хозяйственных и бытовых построек, а также предприятия по первичной переработке и хранению сельскохозяйственной продукции.

В настоящее время почти все селения Чечено-Ингушетии имеют правильную улично-квартальную планировку, общественный центр, где сосредоточены административные, культурно-бытовые и торговые здания. Они теле- и радиофицированы, снабжаются электричеством, водой, газом. В последние годы наблюдается тенденция возрождения горных селений, ранее бесосновательно отнесенных к числу неперспективных.

Тип усадьбы. Тип усадьбы определялся местоположением селений. В горных районах усадьбы были невелики, а иногда встречались и бездворные, как, например, в башенном селении Вовнушки в горной Ингушетии. Здесь также наблюдалось почти полное отсутствие обособленных хозяйственных построек, которые строились в едином комплексе с жилищем. В горах различались два основных вида усадьбы: с горизонтальной и вертикальной застройкой.

Иными по форме и размерам были усадьбы на равнине. Здесь жилище обычно обносилось забором, а во дворе возводился целый ряд хозяйственных пристроек — навес («рагIу»), хлев («божал»), курятник («котам буи») и др. На усадьбах выращивались огородные и бахчевые культуры. Обособленно устраивалось и кунацкое помещение, что связано с широким распространением на Кавказе обычая гостеприимства.

Типы жилища. У вайнахов на плоскости было распространено однокамерное турлучное жилище с плоской земляной крышей. Каменные формы зодчества широко охватывали горную зону края и были представлены двумя основными категориями: жилищем замкнутой формы, развернутым в вертикальном направлении (башня — «ГIала»), и в виде открытой со стороны фасада одно-двухэтажной постройки с плоской земляной крышей, которая в дореволюционной литературе получила наименование «горская сакля» (от груз. «сахли» — дом).

С середины XIX в. бакинцы используют все реже, население переходит к строительству жилищ открытого типа. В конце XIX — начале XX в. большинство предгорно-равнинных жилищ, например чеченцев, представляло собой рядный дом с открытой террасой. После коллективизации он стал заменяться квадратным домом, а в 60—70-х годах занял преобладающее положение в горной зоне. В предгорных районах жилищах, как правило, не устраи-

Выбор материала для строительства определялся прежде всего естественно-географической средой. В горах это был камень, на плоскости — в основном турлук (плетень, обмазанный глиной). С конца XIX в. для строительства все чаще используется саманный кирпич, а зажиточными верхами и жженый.

Жилая башня чаще всего имела 2—3 этажа. Первый этаж использовался для содержания скота и других хозяйственных нужд, второй служил для жилья, а третий являлся кунацким. Такие башни включали в себя и хозяйственные, и жилые, и оборонительные функции.

Башни складывались из подтесанных (в большей или меньшей степени) камней на известково-глинистом связующем растворе. При основании: в среднем 5х5 м боевые башни насчитывали 5—6 эта-

жей (20—30 м общей высоты) и нередко завершались ступенчато-пирамидальной крышей.

Нижний этаж боевой башни предназначался для хранения различных припасов (пищи, воды и пр.) и содержания пленников, второй — для хорошо вооруженных воинов, третий и часто четвертый — лагались воины и наблюдатели.

Вход в боевую башню обычно устраивался на уровне второго этажа. Межэтажные перекрытия были деревянными, плоскими. Нередко перекрытие второго этажа было каменное, сводчатое, с гуртами. Сообщение между этажами осуществлялось при помощи бревна с зарубками через лаз, который устраивали в углу перекрытия. Свет в помещения проникал через многочисленные отверстия — бойницы и небольшие окопные проемы. Судя по величине первых, они предназначались только для стрельбы из ручного огнестрельного оружия, что позволяет датировать сохранившиеся образцы башен на территории края XVI—XVIII вв. На верхних этажах башен часто располагались крупные стрельчатые боевые амбразуры, прикрытые в нижней части навесными каменными машикулями-балкончиками. Последние не имели дна и были разных типов.

Помимо башен со ступенчато-пирамидальным венчанием в крае имелось значительное количество боевых башен и с плоской крышей, и с зубцами.

Древнейшей формой планировки вайнахского жилища, как и у других народов Северного Кавказа, было однокамерное. На плоскости оно повсеместно просуществовало до конца XIX в. В пореформенный период двух- и трехкамерные постройки становятся самыми распространенными. В XIX в. большие неразделенные семьи чеченцев и ингушей жили в так называемых «длинных домах», которые состояли из нескольких изолированных помещений, расположенных по одной оси. Во всю длину дома строилась терраса, куда выходили двери и окна каждого отдельного жилища («уоти»). «Длинные дома», в зависимости от имущественного состояния владельцев, состояли из нескольких комнат: главы семьи, комнат женатых сыновей (от их числа и зависело количество однокамерных пристроек «уоти»), кунацкой.

Обязательной частью любого дома являлась большая комната хозяина — «докха ца». Здесь находился очаг и протекала почти вся жизнь семьи. Именно к ней пристраивались комнаты женатых сыновей. Часто эти помещения выполняли и роль кунацкой.

С русским влиянием связано появление во второй половине XIX в. домов квадратного плана с двурядным расположением помещений. Они имели четырехскатную крышу, деревянные полы, потолки, закрытое крыльцо и другие элементы. Как правило, они принадлежали имущим слоям вайнахского общества.

Отличительной чертой интерьера чечено-ингушского жилища было почти полное отсутствие мебели. На пристенных полках хранили посуду. Ее также ставили в ниши и закрывали занавеской. Наряду для сна покрывали кошмами или циновками. В купавской обычно помещали сундук, низенький столик на трех ножках и несколько низеньких скамеек. Стены увешивали коврами и шкурами диких животных, пол покрывали циновками и паласами. Здесь хранили красивое оружие, музыкальные инструменты и т. д.

У представителей зажиточной части вайнахского общества уже в XIX в. часто встречались разнотипная городская мебель, ковры, дорогая посуда и пр. Окончательное вытеснение традиционного убранства помещения произошло уже в наше время.

Древнейшим видом отопления жилища у чеченцев и ингушей был открытый очаг, располагавшийся первоначально посредине жилища. В нем постоянно поддерживали огонь. На определенной степени исторического развития очаг с неугасимым огнем служил выражением нерушимости большой семьи, святости домашних устоев (древнее чечено-ингушское название семьи — «кюдн одного очага»).

Очаг, надочажная цепь, котел, зола и уголь считались священными, неуважение к ним влекло кровную месть. И, наоборот, если даже убийце удавалось схватиться за очажную цепь, он становился родственником хозяина. Надочажной цепью и огнем клялись, а проклятиями являлись слова — «Киур байла хъан» («Чтобы дым исчез у тебя»), «Це хала хъан» («Чтобы твой огонь потух»).

В случае смерти главы дома тушили в очаге огонь, хозяйка снимала с цепи котел и прикрывала им голову в знак того, что больше не для кого поддерживать огонь и готовить пищу.

Перед едой в очаг бросали лучшие кусочки пищи. Хранительницей очага считалась женщина («цџенана»).

В пореформенный период, в связи с распадом больших семей, потребность в среднем очаге отпадает и его заменяет пристенный камин. Массовое же распространение печей различных типов падает на конец XIX в.

Во второй половине прошлого столетия, в результате развития капиталистических отношений и втягивания Северного Кавказа во всероссийский рынок, в жилище народов края все сильнее стало ощущаться воздействие русской домостроительной культуры. Это нашло свое реальное отражение в использовании нового строительного материала (пиленых досок, обожженного кирпича, черепицы, кровельного железа и пр.), в улучшении конструкций, появлении печи с плитой и трубой, в увеличении площади окон и остеклении рам, настиле деревянных полов, потолков, стандартной меблировке помещений и т. д.

§ 2. пища

Как известно, основными занятиями вайнахов надревле являлись земледелие и скотоводство. Поэтому не случайно народная кухня включала в себя мясо-молочную и растительную пищу. Посродних и религиозных праздников, обрядов и ограничений, социального и имущественного положения различных слоев населения и других факторов.

Наиболее распространенными блюдами вайнахской кухни были: «сискал берам» — чурек с соусом; «кегир галнаш» — галушки из кукурузной муки; «хьолтамаший а кIалдайти» (чеч.), «хьолта-тоьхна сискал» (чеч.), «мухтеоха сискал» (инг.) — чурек, испеченный с внутренним бараньим жиром; «хьокхам» (чеч.), «оалг» (инг.) — пышка из пшеничной муки; «кхерза фуаш» (инг.) — яичница; «шура тоьхна гарзанаш» (чеч.), «шурий гарзанаш» (инг.) — лапша молочная; «чIепилгаш» (чеч.), «чIеьпалгаш» (инг.) — лепешки с творогом, сыром; «далнаш» (чеч.) — лепешки, начиненные отварным рубцом; «хингалаш» — лепешки, начиненные тыквой; «жигиг-чорпа» — тушеное мясо; «кхерза-дулх» — мясо, тушенное с овощами; и многие другие. «Джигиг-галнаш» (чеч.), «дулх-хьалтам» (инг.) — мясо и галушки — были редким (праздничным, «гостевым») блюдом в крестьянских семьях чеченцев и ингушей.

В XIX — начале XX в. пища вайнахов преимущественно состояла из молочных продуктов: сыра, творога, масла. Широко использовались также фрукты и травы (крапива, черемша, щавель). Из них готовили и блюда типа вареников — «курзанаш» (чеч.), «хингал» (инг.).

Мясо (говядина, баранина, птица) считалось праздничной пищей. Его также сушили на зиму, делали колбасы. До принятия мусульманства чеченцы и ингуши широко употребляли в пищу свинину, что подтверждается многочисленными археолого-этнографическими материалами.

Часть вайнахов, проживавших по Тереку, издавна активно занималась рыболовством и употребляла в пищу различные виды рыб. Рыбу жарили, сушили, варили. Кости осетровых археологи обнаруживают и в горных районах края. С проникновением мусульманства возник запрет на мясо рыб, имеющих крупные и острые зубы.

Важное место в рационе чеченцев и ингушей занимали продукты охоты. В пищу употреблялось мясо оленей, туров, кабанов и других животных и птиц. Запретным считалось мясо медведей, зайцев и уток.

К числу лечебных видов питания у вайнахов относилось: молоко

с топленым маслом или козьим жиром, куриный бульон, кислое молоко, мед, орехи, лук, чеснок, а также травы (душица, володушка и др.).

Чеченцы и ингуши строго соблюдали очередность приема пищи и последовательность блюд. Большим пороком считалась прожорливость.

Особым набором пищи сопровождались различные обычаи и обряды. Так, при сватовстве, наряду с мясом и курами, подавали голову, грудинку и курдюк барана, яичницу. На свадьбу готовилась преимущественно мясная пища, пеклись хлеба и чуреки, изготовлялись халва и папютки. На стол для женщин подавали особенно много сладостей. Невесту также угощали сладостями (сахаром и медом), кусочками курдюка, обсыпали просом. Сразу после рождения ребенка мать кормили кашей, готовили ей куриный бульон. Здесь, как и в других случаях, обрядовая сторона тесно переплеталась с рациональной. Торжественной трапезой отмечалось у вайнахов рождение сына, «укладывание» ребенка в люльку, достижение им года и иные события.

В погребальной обрядности пища также играла большую роль, причем расходы на нее были весьма обременительны для семьи, требовали помощи близких и дальних родственников.

Обрядовая пища присутствовала и в календарных праздниках чеченцев и ингушей. На Новый год обязательно пекли хлеба, делали вареники. После окончания сельскохозяйственных работ также пекли хлеба, а из первых колосьев нового урожая делали бублики, галушки, лепешки, пироги с говяжьим или бараньим салом. Жертвоприношениями сопровождалось возвращение стад с летних и зимних пастбищ, удачная охота, воинские акции и пр. Ими отмечались зимнее и летнее солнцестояние, осеннее и весеннее равноденствие, другие «языческие» праздники. Подготовка к этим событиям происходила заранее. Женщины пекли обрядовые пироги, треугольные лепешки, готовили брагу и араку. Обилие мучных изделий на праздниках соответствовало прочным земледельческим традициям вайнахов.

Особую роль играла пища в обычае гостеприимства. Как бы не спешил гость, он не уходил из дома, не отведав пищи хозяина.

Такие важные общественные акты, как усыновление, примирение кровников также завершались принятием пищи, причем из одной посуды, что символизировало закрепление дружественных, родственных отношений.

Взаимодействие и взаимовлияние вайнахов и их соседей привело к обогащению пищевого рациона чеченцев и ингушей. У русского населения были переняты борщ, котлеты, голубцы и другие блюда, у народов Средней Азии — манты, плов, баурсак, лагман и т. д. Все это сделало пищу вайнахов более разнообразной и калорийной.

§ 3. ОДЕЖДА

Одежда чеченцев и ингушей отразила их хозяйственные занятия, традиции, вкусы, мировоззрение, взаимоотношения с другими народами. Потребности в одежде и тканях удовлетворялись за счет местной сырьевой базы, в то же время активно использовались (и особенно с XVIII в.) привозные материалы. Овечья шерсть являлась одним из основных источников сырья. Из нее изготавливали шерстяные ткани нескольких сортов. Так, высшим считалась из шерсти ягнят, низшим — доящихся овец. Не позднее XVI в. в крае стало известно и производство шелка, а также полотна из льна. Однотканное сукно («маша»), а грубый холст получали из льна и конопли. Для приготовления одежды также использовали набойку, шелк, полуселк и другие ткани.

С появлением на Северном Кавказе российских городов и ростом торговли вайнахи предпочитали покупать или обменивать ткани на рынке. Среди них наибольшей популярностью пользовались хлопчатобумажные ткани и шелк.

Шить умели в каждой семье. Эта обязанность целиком лежала на женщинах.

Традиционная одежда вайнахов имела много общих черт с общекавказским костюмом, что объясняется тесными и длительными взаимосвязями народов данного региона.

Мужская одежда. Основными элементами мужского вайнахского костюма были — рубаша, штаны, бешмет, черкеска, головной убор, обувь, украшения и оружие.

Рубаша («коч») была туникообразного покроя, с длинными рукавами. Ворот имел вертикальный разрез спереди, который застегивался на пуговицы или завязывался шнурками. Рубашу носили навыпуск, перетягивая ее ремнем или поясом, иногда без верхней одежды.

Поверх рубашки надевался бешмет («гловтал»), который был и повседневной и праздничной одеждой. В последнем случае на него надевался пояс с кинжалом или боевым ножом. Шили бешмет из плотной ткани (сукна, крашенны) или из дорогих привозных материалов (шелк, полуселк). Наиболее распространенными цветами были красный, синий, коричневый, черный. Бешмет шили сильно прилегающим к телу с цельнокроеной основой и отрезными боками-клиньями (6—9), расширяющимися книзу. Зимние бешметы изготавливали из плотных шерстяных тканей, утепляли шерстью, ватой, простегивали.

С XVIII в. широкое распространение у чеченцев и ингушей получила черкеска («чоа», «чокхи») — общенациональная одежда кавказцев. Она считалась парадной, выходной одеждой и в дорево-

люционный период была не у многих. Ее шили из домотканого сукна белого или черного цвета, красного или коричневого шелка. В середине XIX в. черески были короткими, выше колен, а рукава — узкими. Позднее они шились длиннее и с более широкими рукавами. Нижняя часть черески сильно расклешалась. Ворот был открытый, с треугольным вырезом на груди и металлическими застежками до пояса. На грудную часть (по обе стороны) нашивались газыри из кожи, куда вставлялись по 5—10 газырей («бустгазырницы из кожи, куда вставлялись по 5—10 газырей») для хранения пороха и пуль. Часто газырницы украшались хлопчатобумажными шкурами. Обычно газыри изготовлялись из дерева или кости, с костяными или серебряными верхушками-копечками, которые были закреплены между собой серебряной цепочкой. Впоследствии они становятся декоративным элементом, украшением. По талии череска перетягивалась ремешком с расщепом. По талии череска перетягивалась ремешком с расщепом. По талии череска перетягивалась ремешком с расщепом. К поясу подвешивались боевой нож, кинжал, сабля и другие предметы.

Штаны шили из домотканого сукна, плотно бумажного материала (а пастухи — из овчины). Книзу они суживались, и их заправляли в ноговицы («пегаш») из сукна, сафьяна или выворотной кожи. Иногда штаны заправляли и непосредственно в обувь. Бытовали у вайнахов и штаны, изготовленные из специально обработанной, эластичной кожи.

Теплой (зимней) мужской одеждой была овчинная шуба («как хан кетар») двух видов — набрасываемая и одеваемая. На первую шло 9—10 овечьих шкур мехом вовнутрь. В горных условиях она считалась лучшим одеянием. Шубы шились как свободными, так и прилегающими к талии с продольным швом на спине и воротником типа шальки.

Бурки («верта»), как и на всем Кавказе, были теплой одеждой, наиболее удобной для всадника. Они были незаменимы в дождь, холод, ветреную погоду и являлись предметом гордости мужчин. Бурки шились с узкими плечами, длиной чуть ниже колен.

У чеченцев и ингушей бытовали две формы пастушеской одежды: овчинная шуба с капюшоном и накидка, из сложенного вдвое прямоугольного полотнища, сшитого из двух полос домотканого сукна.

Основным головным убором в XIX — начале XX в. была папаха («куй») из овчины, курпеля, козьего меха или каракуля. Пастухи предпочитали меховую папаху, лучше защищавшую от холода, дождя и снега. Первоначально папахи имели конусовидную форму. У вайнахов имелись и войлочные шляпы из грубой шерсти с большими твердыми полями, а также тибетейки и традиционные стеганные шапки (из 4—8 клиньев) из цветной ткани («писе», «фёске» и др.). После первой мировой войны мужчины стали носить фуражки.

У чеченцев и ингушей был распространен обычай обмениваться головными уборами с кунаками, в том числе с кабардинцами, авар-

цами, русскими и другими соседями. Этот обычай способствовал распространению разных фасонов папах. Вайнахские мужчины традиционно брили голову и носили головной убор повсюду: пахотным. Как и везде на Кавказе, отношение к головному убору было уважительное, бережное.

Необходимой принадлежностью мужского костюма был пояс из узкого ремня с металлическими (бронза, железо, серебро) пряжками и подвесками. Только маленькие мальчики и очень старые мужчины могли ходить без пояса.

На пальцах рук местными мужчинами в прошлом носились серебряные или бронзовые перстни и кольца, на шее — различные амулеты и талисманы.

Женская одежда. Основными частями женской одежды вайнахов были рубаха («коч») и надевавшиеся под нее штаны («хечи»). В сочетании с головным убором такой костюм был повседневной одеждой женщин всех возрастов. В более ранний период платья-рубahi шили из домотканой шерстяной материи, холста, шелка, а в более позднее время — из ситца, сатина и других фабричных тканей. Наиболее ранним типом платья-рубahi была широкая, туникообразная рубаха, длина которой была различной, иногда на четверть ниже колена, а порой и до земли. Ворот с разрезом на груди чаще застегивался на одну пуговицу. Праздничные шелковые платья-рубahi делались с очень длинными и широкими рукавами, спускавшимися много ниже кисти.

Под рубаху надевали длинные, до щиколоток, не очень широкие штаны, присобранные внизу на обшлаг. Вверху они стягивались при помощи тесьмы. Шили штаны из хлопчатобумажной ткани, чаще всего красного и коричневого цветов.

Верхней распахнутой одеждой девушек был бешмет. Верхняя часть его была сшита по фигуре, со скошенными бортами, открытой грудью, без воротника, с застежкой до пояса. Нижняя часть отрезная до талии, спереди лежала гладко, а на спине пришивалась в сборку. Рукава длиной до кисти, с небольшим разрезом книзу, обшивались галуном. Бешметы шили или короче рубахи или вровень с ней. Однако рубаха всегда была видна в разрезе от талии до низа и на груди, поэтому ворот рубахи обязательно украшался (полосками из другой ткани, вышивкой и пр.). Бешметы изготавливали из ситца, шелка, сукна, а зимние — утепляли ватой, шерстью. Зажиточные вайнахские женщины носили бешметы из привозных дорогих тканей.

Праздничное, свадебное платье («глабали», «чокхи») в основном повторяло покрой бешмета, но шилось из шелка, иногда бархата, парчи. Рукава зачастую были узкими до локтя, а нижняя их

часть представляла собой длинную округлую или прямую свисающую лопасть.

На чеченском «глабали» металлические застёжки нашивались непосредственно на борта платья от ворота до талии, иногда в 16—20 рядов. Но застёгивались только шжие 4—6 рядов, остальные же играли роль украшений. В конце XVIII—начале XX в. под «глабали» стали надевать специальные нагрудники с застёжками.

Девушкам не полагалось носить теплой одежды: ее надевали только замужние женщины. Она была покроя черескосно или отрезная по талии с узкими длинными рукавами и застёжкой от ворота до талии. Шили ее из бумажной плотной ткани или шелка и подбивали ватой или шерстью. Называли эту одежду «гловтал». Она была короче платья-рубашки. Бельные женщины носили овчинную шубу — «кетар».

Пояс не был строго необходимой принадлежностью женской одежды. Лишь наиболее состоятельные носили «глабали» с богатым поясом. Пояса шили из кожи, галуна, были также из бронзовых и серебряных пластинок, украшенных гравировкой, чернью, зернью, филигранью, позолотой, полудрагоценными камнями (сердоликом, бирюзой и др.).

Женские головные уборы отличались значительным разнообразием — больших и малых размеров платки, шали, шапки. Головной убор девушек нередко состоял из большой шали. Замужние женщины предварительно повязывали на голову черный платок или косынку, концы которых пропускали под волосы, заплетенные в косы, и завязывали на темени. Чеченки вместо такого платка чаще надевали на голову «чухту» — длинный узкий мешок из черной ткани, в который закладывались косы. Верхняя часть мешка была не зашита и укреплялась на голове при помощи завязок. Нижний конец, падавший на спину, украшался бахромой, монетами.

В плоскостных районах края девушки часто носили небольшие фабричные платки, завязывая их «по-русски» под подбородком. Женщины же косы не завязывали, а затыкали у щек. Аналогичные платки бытовали с конца позднего средневековья и в горной зоне Чечено-Ингушетии.

Большие головные платки-шали («кортали», «йовлакх») накидывали на голову так, что концы свободно свешивались спереди или за спиной. Такие же шали, накинутые на плечи, заменяли теплую одежду.

Ингушские девушки, в отличие от чеченок, на свадьбу надевали шапочки в форме усеченного конуса, украшенного золотым или серебряным шитьем. А в период позднего средневековья знатные ингушские женщины носили особого рода головной убор «кур-харе» внешне похожий на изогнутый рог и колпак. Основа его делалась из войлока или кожи, а в более ранний период из бересты. Свар-

убор обтягивался крашенной, шелком, атласом (чаще красным). Передняя часть «кур-харса» украшалась серебряной бляхой округлой формы и перекрещивающейся перевязью или треугольной лепелась куском дорогой ткани (бархат, шелк, парча и др.), нередко вышивкой серебром и золотом. К основанию «кур-харса» пришивался позатыльник. С помощью тканых орнаментированных лент, пришитых также к основанию женского убора, он завязывался на шее. «Кур-харсы» пышно орнаментировались растительными и геометрическими узорами, солярными знаками, изображениями человеческих фигур, мифических животных и пр.

Значительную роль в женском костюме играли разнотипные украшения: сердоликовые, халцедоновые, агатовые, перламутровые, хрустальные, стеклянные, жемчужные и янтарные бусы, бисер, золотые, серебряные и бронзовые височные кольца, серьги и подвески, браслеты, цепочки и т. д. Многие из них своими корнями уходят в глубокую древность.

Для украшения женской одежды использовались также и различные монеты: они нашивались на головные уборы вместе с другими украшениями, ими украшались отдельные детали верхнего платья, они носились на шее в составе ожерелья, их подвешивали к поясу и т. д. Почти повсеместно горянки носили серьги различных форм и металла. В зависимости от социальной принадлежности в средневековый период нередко в ухо вдевалось от одной до пяти серег сразу. На руках носили кольца, перстни и браслеты, на шее — различные ожерелья и цепочки, на голове и поясе — височные подвески и привески.

Обувь. Женская и мужская обувь у вайнахов была во многом схожей. Бытовали у них носки из шерсти и сафьяна, туго обтягивающие ноги — «маьхсеш». Но наиболее распространенной в прошлом была обувь, сшитая из одного куска сыромятной кожи, со швами на носке и заднике — «неГармачаш». Ее надевали как на носки, так и на босу ногу. Более нарядной обувью служили чуваки из сафьяна или шагрени со швом на подошве и заднике.

Пастухи и охотники в горах обычно надевали «хулчаш» — обувь из сыромятной кожи с подошвой, плетеной из ремней.

Зимой носили «бюржамаш» — обувь, сшитую из войлока, мужчины длинную до колен, а женщины — более короткую. В дождливую погоду поверх нее надевали кожаную обувь. Представители старшего поколения в данное время года использовали ноговицы («пезагаш») из сукна, кожи, которые заправлялись в чуваки.

Женщины в качестве выходной обуви надевали «пашмукхаш» — туфли с глухим носком без задника, на твердой подошве, с каблучком. Мужские «пашмукхаш» делались на деревянной подошве и надевались поверх мягкой обуви в ненастную (грязную) погоду.

Как у женщин, так и у мужчин в позднем средневековье были популярны изящные сапожки с высокими голенищами и многослойной кожаной подошвой. Детская обувь отличалась от обуви взрослых лишь размерами.

В конце XIX в. усилилось проникновение в Чечено-Ингушетию фабричной обуви, прежде всего сапог, калош и пр.

Эволюция мужской и женской одежды чеченцев и ингушей в советский период шла общим путем с другими народами Северного Кавказа. Это было естественным результатом возникшей много ранее общности в мужской одежде, а также одинаковых условий жизни после революции.

В 20—30-х годах XX в. сложился новый комплекс мужской одежды, состоящий из «кавказской рубахи» с высоким воротом и застежкой посередине. Она заменила бешмет. Ее носили и как верхнюю и под черкеску. Традиционные штаны вытеснились галифе, заправляемыми в сапоги. В 30-е годы вошли в моду папахи из каракуля, высокие и сильно расширяющиеся кверху.

В женской одежде также шли изменения в сторону сближения с городскими формами. В 30-е годы появились платья, отрезные по талии и бедрам, со сборками или складками. В 60—70-х годах городская форма одежды стала преобладающей. Свадебные платья остались традиционного покроя. Сохранилась и приверженность к закрытым формам.

§ 4. ОРУЖИЕ

На протяжении многих веков предкам вайнахов приходилось энергично защищаться от посягательств многочисленных врагов. Поэтому военное дело у чеченцев и ингушей находилось на достаточно высоком для своего, конкретного времени уровне развития, опиралось на богатейший опыт и продолжало традиции прошлых столетий, а также постоянно творчески впитывало в себя нововведения и изобретения. Оно реально соответствовало степени их социально-экономического развития, среде обитания, насущным потребностям и духу эпохи.

Воинам края были известны и весьма искусно использовались ими все основные компоненты наступательного и защитного оружия, отдельные виды которого постоянно находились во взаимозависимости и влиянии в процессе совершенства, воздействовали на военное искусство.

Наступательное оружие. Подразделяется на бытовавшие у местных воинов разнотипные образцы метательного, колющего, рубящего, ударного и огнестрельного оружия.

К метательным образцам оружия относятся прежде всего наиболее популярные у вайнахов луки и стрелы. Луки использовались

простые, сложные и сложносоставные. Простые луки изготовлялись только из дерева. Сложные луки имели основу (кибеть) из единого куска древесины, дополненной другими материалами (рогом, сухожилиями, костью, берестой, кожей и т. д.). Основа сложносоставных луков состояла из нескольких отдельных деревянных частей и также дополнялась отмеченными материалами. Сложные и сложносоставные луки вайнахов отличались сравнительно небольшими размерами, обладали значительной мощностью.

Стрелы состояли из наконечника, древка и оперения. В зависимости от функционального назначения наконечники стрел (изготовленные из различных материалов) имели множество форм, отличались разнообразием сечения пера и способами посадки на древко. Древки обычно изготовлялись из плотной прямослойной древесины (клен, граб и др.), или же для этой цели использовались молодые и легкие, но прочные побеги деревьев с мягкой сердцевинной. Материалом для оперения служили перья хищных птиц (орла, коршуна, грифа) и дикого гуся.

Для хранения луков и стрел воинами применялись берестяные или кожаные налучья и колчаны на деревянной основе, нередко богато орнаментированные.

При стрельбе вайнахские лучники умело использовали и специальные предохранительные кольца (из кости, железа, камня и пр.) и кожаные напалечники (наперстки), посредством которых (наряду с традиционными приемами) велась стрельба «монгольским» и «средиземноморским» способами.

В позднем средневековье у чеченцев и ингушей появляются и получают относительно широкое распространение, особенно при обороне фортификационных комплексов, также и самострелы (арбалеты).

У вайнахских воинов и особенно малоимущих представителей местного общества пользовались широкой популярностью (в связи с эффективностью, простотой конструкции и изготовления) три основных типа ручного камнеметательного пращевого оружия: собственно простая праща, а также и ее уже модифицированные образцы — под местным наименованием «ширдолаг» и «тулга-тад» («лук для камня»). В снаряжение пращника входили каменные ядрышки, которые содержались в специальных кожаных сумках и хранились в обильном количестве в пищах верхних боевых площадок башен.

Разнотипные копыя, пики и дротики чеченцы и ингуши умело применяли для поражения как легковооруженного противника и его конницы, так и в противоборстве с хорошо защищенным оборонительным вооружением врагом. В последнем случае наиболее важную роль играли узкие железные шпаловидные пики, служившие преимущественно специализированным кавалерийским оружием.

Любопытно, что у вайнахов прослеживается бытовавший в прошлом интересный обряд оставления обломка копья в могиле павшего в бою воина-героя, устанавливается использование дротиков гор-пачи (наряду с прямым функциональным назначением) и при стрельбе из ручного огнестрельного оружия.

Для увеличения дальности метания этих образцов колющего оружия, силы и особенно меткости их ударов вайнахами активно применялись различные копьеметалки.

Очень важными видами наступательного оружия в тесных руко-пашных схватках у местных воинов являлись разнообразные эк-земпляры рубяще-режущего вооружения — прямые двулезвийные мечи, однолезвийные палаши, изогнутые сабли и гибкие шашки. Мечи, палаши и сабли продолжают активно бытовать в комплексе вооружения чеченцев и ингушей до конца XVIII в. Вместе с тем, с XVIII в. все большую популярность в крае приобретают высокока-чественные образцы стальных шашек («волчок», «гурда», «калдам», «гусар», «трансильванский узел», «чеченская», «ингушская» и др.), которые и господствуют у них позднее.

Немаловажным элементом ратного снаряжения местных гор-цев являлись однолезвийные боевые ножи и двулезвийные кинжа-лы, отличавшиеся большим разнообразием и предназначенные для нанесения как колющих, так порой и рубяще-режущих ударов. Обычно носились они вайнахами постоянно и в повседневной жиз-ни. Образцы широко известных «кавказских» кинжалов с прямыми клинками появляются у чеченцев и ингушей в самом начале XVIII в. на основе эволюции отдельных типов местных боевых по-жей и получают наибольшее распространение в XIX в., достигая значительных размеров в сравнении с более ранними кинжалами.

В целях эффективного поражения в рукопашных схватках даже тяжело вооруженного неприятеля посредством нанесения мощных рубящих ударов вайнахи использовали также секиры и топоры. Важно, что значительная часть из данных образцов могла приме-няться и маломощными воинами-пехотинцами, представителями ополчения. В бою секиры и топоры воинами порой использовались и в качестве метательного оружия.

В качестве ударного оружия у вайнахов бытовали различные ти-пы массивных деревянных палиц (нередко с металлической оков-кой, шипами и т. д.), каменные и металлические булавы, а позднее и железные шестоперы. Появление и распространение многих разно-видностей последних было прежде всего связано с возникшей ост-рой необходимостью более успешной борьбы с тяжеловооружен-ным противником. Причем они также небезуспешно применялись местными воинами и в качестве метательного оружия.

Появление и распространение ручного (ружья, пистолеты) ог-нестрельного оружия (вначале фитильного, а затем и кремневого)

и Чечено-Ингушетии происходит не позднее конца XV — начала XVI в. К середине XVI в. появление данного вида оружия уже оказало влияние на местные башенные фортификационные комплексы. Однако в связи с несовершенством, значительными недостатками (Одной по ряду важных качеств лучшим образцам дороговизной, уступавшим другим видам метательного) и защитного вооружения (наряду с огнестрельное оружие не смогло вытеснить из обращения вплоть до начала XIX в. модифицированные экземпляры последних. Лишь разцов огнестрельного оружия, ситуация коренным образом изменилась в их пользу.

Заранее отмеренные дозы пороха и свинцовые пули войны часто хранили в деревянных или костяных трубочках-газырях, которые укладывались в пашитые кармашки на груди черкески. Для этой цели использовались также специальные патронташи, пороховницы, натруски, мешочки-кисеты и т. д.

Во время Кавказской войны чеченцами в ограниченном количестве использовались и пушки.

Кроме прямых военных целей, некоторые наступательные образцы оружия широко применялись чеченцами и ингушами для хозяйственных нужд, ритуальных и магических мероприятий.

Защитное вооружение. На протяжении многих веков вайнахским воинам в качестве оборонительного снаряжения, надежно предохранявшего от ударов наступательного оружия, служили защитный доспех, боевые наголовья, щиты, налокотники и боевые перчатки.

Тело воина обычно защищал металлический кольчатый доспех: кольчуги и кольчатые панцири, имевшие вид рубашки с прямыми рукавами, квадратным разрезным воротом (часто с воротником) и разрезами на подоле. Бытовал и доспех, имевший распашной похрой. Порой вайнахский воин использовал одновременно надетые друг на друга оба вида кольчатого доспеха, имевшие в целом не столь большой вес. Под доспехом у воина была еще специально плотно простеганная одежда: для удобства его пошения и создания владельцу дополнительных защитных качеств.

В качестве боевых наголовий чеченцы и ингуши использовали металлические кованые шлемы, кольчатые мисюрки и стеганные шапки. Вплоть до XVII в. у них господствуют шлемы конической и сфероконической форм, склепанные нередко из нескольких частей, располагавшие кольчатой сеткой-бармицей (для защиты шеи, плеч, ушей и частично лица владельцев). В XVII—XVIII вв. в крае получают значительное распространение простые, удобные и надежные мисюрки, состоящие из металлической тулени и длинной кольчатой бармицы, благодаря подобной конструкции они успешно защищали голову, лицо, шею и плечи воинов. В боевой обстановке ми-

мисюрки могли надеваться и под шлемы, когда последние начали утяжеляться бармицами. Снизу шлемы и мисюрки подбивались мягкой, но плотной стеганой матерчатой подкладкой, что способствовало удобству ношения и в определенной степени помогало лучше распределять силу ударов, приходившихся на боевой убор. К тому же, для этой же цели вайнахи часто использовали специальные матерчатые подшлемники. Чтобы боевой убор прочно располагался на голове, к краям его крепились бечевки, завязывающиеся под подбородком. Часто нижние края бармицы в передней части дополнительно соединялись с помощью специальной цепочки или крючка.

Наряду с отмеченными наголовьями у некоторой части местного населения бытовали различные боевые стеганные шапки из цветной ткани или кожи, которыми и завершается многовековая эволюция ратных головных уборов горцев края и Северного Кавказа. Хотя стеганные шапки и не являлись столь надежной защитой головы, как металлические наголовья, но все же в определенной степени ослабляли силу ударов различных видов наступательного оружия. Они с успехом могли использоваться и рядовыми воинами, так как были намного проще и дешевле шлемов и мисюрок.

Щиты являлись одним из древнейших видов оборонительного вооружения чеченцев и ингушей. Известные их образцы в целом отличаются сравнительно небольшими размерами и круглой формой. Они были удобны для всякого рода защитных манипуляций как пешим, так и конным воинам. Наиболее древними и массовыми у вайнахов были плоские щиты, сплетенные из прутьев, и деревянные экземпляры, обтянутые кожей, а также слабовыдухлые образцы из дерева, покрытые кожей, с металлическими кругами-обручами и умбоном. Кроме того, вайнахские воины употребляли и щиты иных типов — плоские кожаные, на металлическом каркасе, с металлическими фигурными бляхами и выпуклые железные, цельнокованные. Образцы последних типов вайнахами часто использовались преимущественно против оружия ближнего боя, когда в рукопашной схватке, требовавшей быстроты движений, щит непосредственно подставлялся под удар. А отражение рубяще-режущих ударов у местного населения и их соседей производилось главным образом щитом, и данные экземпляры были неплохо приспособлены для этой цели. В походе щит, как правило, носился на длинном кожаном ремне через плечо. В таком же положении он оставался и во время спешного отступления.

Для защиты рук в боевой обстановке воинам служили железные или стальные налокотники и кольчатые перчатки, с которыми они впервые познакомились в результате монголо-татарского нашествия на Северный Кавказ. Налокотники были двух- или трехчастные, и в бою с их помощью нередко осуществлялось парирование ударов клинкового оружия. Иногда к налокотникам крепились

посредством колец боевые кольчатые перчатки. Последние были распространены двух типов. К первому относится кольчатая перчатка, подбитая тканью и облегаящая руку воина, оставляя свободными лишь фаланги пальцев для удобства держания оружия. Ко второму типу относится боевая перчатка, полностью сплетенная из металлических мелких колец и покрывавшая всю кисть рук, включая ладонь и фаланги пальцев. Часто левая рука воина могла обходиться и без боевой перчатки, так как ее покрывал щит.

В целом же, благодаря своим надежным предохранительным качествам от ударов наступательного оружия, защитное вооружение продолжало успешно выполнять свои основные функции у вайнахов и их соседей вплоть до начала XIX в.

Наличные исходные материалы свидетельствуют о выделении и тенденции к обособлению в вайнахском обществе позднего средневековья феодализирующейся военной знати и их дружины, занимавшихся и обогащавшихся преимущественно воинскими акциями и охранными мероприятиями. Они, в отличие от остальной массы населения, имели наиболее дорогие и высокосортные (часто привозные) образцы и даже полные комплекты воинского снаряжения, мощные башенные фортификационные комплексы замкового типа, необходимые навыки и специальную военно-физическую подготовку. У подавляющей же части населения в основном бытовали недорогие отдельные, «рядовые» виды оружия или же даже они вовсе отсутствовали.

Имеющиеся материалы со всей очевидностью подчеркивают существование многих сходных черт как в вооружении, так и в военном искусстве вайнахов и их соседей в прошлом (прежде всего адыгов, осетин, горцев Грузии и Дагестана и др.): развитие военного дела у них происходило в процессе взаимного влияния и обогащения, с внимательным учетом происходивших в этой области достижений.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Абдулвахабова Б. Б.-А., Чахкиев Д. Ю. Одежда чеченцев и ингушей в XVII—XVIII вв. Буклет. Грозный, 1988.
- Алироев И. Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975.
- Алироев И. Ю. Название оружия в нахских языках//АЭС. Т. 4. Грозный, 1976.
- Алироев И. Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978.
- Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987.
- Басилов В. Н., Кобычев В. П. Галгай — страна башен//Советская этнография. 1971. № 1.
- Берже А. И. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.
- Виноградов В. Б., Маркович В. А. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966.

- Виноградов В. Б., Байбик В. О памяти, о подвигах, о славе! Грозный, 1972.
- Виноградов В. Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе//Вопросы истории. 1981. № 1.
- Виноградов В. Б. Времи, горы, люди. Грозный, 1980.
- Виноградов В. Б., Чахкиев Д. Ю. Пещерные традиции военного искусства ваишхов в средневековье//Советская этнография. 1984. № 1.
- Виноградов В. Б., Абдуллахабова Б. Б.-А., Чахкиев Д. Ю. «Солнечный гребень» ингушских женщин (о парадном головном уборе кур-хазе)//Советская этнография. 1985. № 3.
- Виноградов В. Б., Чахкиев Д. Ю. Историко-архитектурные объекты 102-го Всесоюзного горно-пешеходного маршрута по Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
- Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII—начале XX века. М., 1974.
- Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975.
- Гольдштейн А. Ф. Планировка и фортификация горных селений Чечено-Ингушетии и Северной Осетии в XV—XVIII вв.//Архитектурное наследство. 1976. № 25.
- Дадагат Х. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972.
- Дахкильгов И. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
- История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М., 1988.
- Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.
- Кобычев В. П. Поселение и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М., 1982.
- Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
- КЭС. Вып. 2. Тбилиси, 1968.
- КЭС. Вып. 6. Тбилиси, 1986.
- Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965.
- Марковин В. И. В стране ваишхов. М., 1969.
- Марковин В. И. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры//Архитектурное наследство. 1975. № 23.
- Марковин В. И. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957—1965 гг.)//Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
- Мамаров Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А. Лук и стрелы у позднесредневековых ваишхов//Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
- Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967.
- Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984.
- Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963.
- Сергеева Г. А. Одежда народов Дагестана и Чечни//КЭС. Вып. 6. М., 1976.
- Сказы, сказания и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986.
- Умаров С. Ц. О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья//АЭС. Т. 3. Грозный, 1969.
- Умаров С. Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни, XIII—XVII вв. Авторф. дис. канд. ист. наук. М., 1970.
- Хасбулатова З. П. Пища в семейно-бытовой обрядности чеченцев и ингушей. Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987.

Чажкиев Д. Ю. О территории и этнической основе зарождения босых ба-
нши с пирамидальным венчанием на Кавказе//Археология и вопросы этнической
истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.

Чажкиев Д. Ю., Голованова С. А., Нарожнић Е. И. О хронологии
и методах применения некоторых позднесредневековых образов вооружения у
вайнахов//Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии.
Грозный, 1986.

Чажкиев Д. Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых
вайнахов (XIII—XVIII вв.) (археолого-этнографическое исследование): Автореф.
дис. ...канд. ист. наук. М., 1986.

Чажкиев Д. Ю. Копья и дротики у позднесредневековых вайнахов//Новые
материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987.

Чажкиев Д. Ю. Кольчатый доспех позднесредневековых вайнахских воинов//
Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Гроз-
ный, 1988.

Щеблякин И. П. Искусство ингушей в памятниках материальной культу-
ры//Изв. ИНИИК. Вып. I. Владикавказ, 1928.

Яковлев Н. Ф. Ингуши. М.; Л., 1925.

Яковлев Н. Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927.

Глава V. СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ

§ 1. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ

Большим своеобразием отличались общественные и семейные
отношения чеченцев и ингушей. Уровень их развития до сих пор вы-
зывает споры у исследователей. Феодальный строй у вайнахов не
имел завершенного характера, государственная власть не сложи-
лась. Однако это не исключало серьезных противоречий между раз-
личными слоями общества.

На нижней ступени социальной лестницы стояли рабы и их по-
томки. Обычно этот слой образовывался из пленников. Часто за них
брали выкуп. Если же пленник («ясир», «есар») не мог быть выкуп-
лен, то оставался у того, кто взял его в плен, и превращался в раба
- («лай», «лей»). Раб работал в семье, ухаживал за скотом, убирал
помещения, пахал, сеял, собирал урожай, косил сено, заготавливал
на зиму дрова, выполнял иную работу. Он не имел своего дома
(обычно жил в пристройке), не мог жениться, не имел, земли, ору-
дий труда, оружия.

Если же пленник верно служил хозяину, то получал от него
участок земли, но с условием выплаты натуральной ренты. Он при-
обретал право возвести свой собственный дом, иногда даже башню
(но обязательно незавершенную) и обзавестись семьей. Однако его
семейство и потомство всегда были в долгу перед семьей похити-
теля и несли довольно обременительную подать за пользование
землей, отправляли и личные повинности.

Вместе с тем, имелись случаи, когда пленники, после обзаведе-
ния своим хозяйством, обогащались, усиливались, становились со
своей стороны владетелями рабов и приобретали право строить за-
вершенную башню.

Пленение происходило, как правило, за пределами своей общины и своего ущелья. Набеги за пленными совершались в Осетию, Кабарду, Грузию, Дагестан, но и пленение вайнахов не было запрещено адатами. По свидетельству М. Мамакаева, «пленение и продажа людей в Ингушетии тоже было довольно развитым ремеслом. Чаще всего продавали сирот, детей и вообще слабых, беззащитных людей. Их дарили или продавали». Таким образом реально образовывались у вайнахов зависимые сословия. С другой стороны, происходило и подчинение пришлых фамилий, которые, поселившись в том или ином селении, уже имевшем владельца, обязаны были оказывать первопоселенцам различные личные услуги и выплачивать натуральную ренту. Это продолжалось до тех пор, пока пришлые не приобретали необходимого общественного положения и экономической независимости.

В среде свободных общинников также происходило расслоение. Часть из них, вставшая заслуги перед общиной и соответственно авторитет, вставала на путь борьбы за превращение своих прав в беспорную социальную прерогативу, на путь присвоения общинных земель.

Обедневшие «благородные люди» («эзди нах») и разбогатевшие «лан» пополняли местное полноправное сословие «средних людей» («йикъер нах», «йикъер накъе»).

Некоторые старые формы удачно маскировали новое содержание. Феодализирующаяся верхушка вайнахского общества умело использовала узы родства, обычаи взаимопомощи, кровную месть, совет страны и т. д. в целях упрочения своего положения, значительного расширения и закрепления своих прав.

О наличии князей у плоскостных вайнахов в период позднего средневековья свидетельствуют, например, многочисленные русские письменные источники прежде всего XVI—XVII вв., в которых упоминаются Ших-Мурза Ишеримов, Турловы, Хасбулатовы и другие. Часть из них имели невайнахское происхождение, но впоследствии они коренизировались в местной среде.

В горной зоне Чечено-Ингушетии известны предания о князьях-владельцах (Дударовы, Садойские, Дышнийские, Сеп-эла Малхистинский, Бики Харачоевский и др.). Власть горских верхов над соплеменниками значительно ослабла в связи с началом массового переселения с гор на равнину (XV—XVI вв.). Закреплению их привилегий мешало сопротивление рядовых общинников, в ходе которого княжеские фамилии или же их отдельные представители истреблялись или изгонялись. Однако деление на «лучшие», «благородные» («тьолла цаа» — дословно: победивший дом, победившая семья) и «худшие» фамилии продолжало сохраняться.

В вайнахских героико-исторических песнях «илли» воспеваются борьба чечено-ингушского народа против князей. Антифеодалный

характер носят и такие местные пословицы, как «Когда признают одного за князя, остальные становятся его рабами», «Пусть у волка князек» и т. д.

Имеются и многочисленные содержательные предания об избрании князей, о приглашении князя со стороны, об ограничении княжеской власти, о свержении наиболее жестоких князей, об их изгнании. Так, по преданию, майстинцы, свергнув своего князя, решили больше князей не выбирать и не назначать. В других же вайнахских обществах (Чаберлой, Шарой и т. д.) княжеское правление возобновлялось. Обосновывалось это необходимостью организовать постоянную защиту территории от вторжения извне и для ликвидации собственных неурядиц. За подобную «службу» князю платили всем обществом (скотом, продуктами и пр.).

Изменения в социально-экономическом строе вайнахов отразились и в их языке. Широкое бытование получают такие слова, как: «эла» — князь, «коллала» — княжение, «элдар» — статный, благородный, «кѣстаг» — бедняк, «ялхо» — слуга, «ваьцнарг» — эксплуатировавшийся, «Гарбаш» — рабыня, «ларме» — место для заключения человека, «ясахх» — дань, подать, «эзди нах» — благородные люди и др.

Следует отметить, что сословное неравенство подкреплялось определенными привилегиями или, наоборот, неполноправием. Например, бывших «лаев» презирали, с ними неохотно рождались (даже если они уже имели значительное состояние), они платили двойной штраф за убийство и двойной калым за невесту из «эзди нах». Представители низшего сословия являлись неполноправными общинниками, им постоянно с презрением напоминали об их происхождении. В частности, согласно одному из местных преданий, девушка из уже зажиточной «лайской» семьи, посмотрев на старую обувь бедной девушки из семьи «эзди нах», безо всякого умысла спросила ее: «Что за тапки у тебя на ногах?» Та же, напоминая ее происхождение, ответила: «Какими бы ни были мои тапки, они не окрипят: лай ли, лай ли (рабыня, рабыня)».

Социальное неравенство четко отразилось и в эпических песнях чеченцев и ингушей, которые не знают бесконфликтности внутри общества. Бедность, беззащитность на одной стороне, богатство и могущество на другой — таков их лейтмотив (например, песни: «Темарко, не имеющий брата», «Молодец, не имеющий отца», «Князь Монца и Вдовий сын» и др.).

Предания рисуют и картины частых набегов, воишских акций. Причем если военные предводители («бьаччи») и их дружины («Гларь») делают добычу между собой, то положительные в глазах народа герои отбивают ее у какого-нибудь жестокого и сильного князя для того, чтобы распределить между пенмущими.

Следует отметить, что, не имея возможности получать гарантированный прибавочный продукт на месте, горцы устраивали набег с целью захвата добычи на Хевсурети, Тушетии, Военно-Грузинскую торгово-транспортную магистраль, казачьи станицы и пр. Чеченский фольклор полон примерами похищения лошадей, крупного и мелкого скота, захвата пленных.

В то же время известны многочисленные нападения на чеченцев и ингушей со стороны их соседей. Не было постоянного, прочного мира и между отдельными обществами Чечено-Ингушетии. Столкновения происходили из почве кровной мести, споров из-за пашен и пастбищ, стремления захватить пленный с целью дальнейшей их продажи и пр.

В этой напряженной обстановке, в условиях отсутствия сильной централизованной власти, население было вынуждено постоянно заботиться о безопасности жизни и имущества. И горский крестьянин, если он хотел выжить, должен был быть одновременно пахарем и пастухом, каменотесом и воином. Его в любой час мог призвать к бою огонь тревоги, зажженный на вершинные горы или башни. И тогда решался извечный вопрос: пасть или победить. Существенной гарантией собственной неприкосновенности на определенном этапе у чеченцев и ингушей стало прочное жилище башенного типа. Строительство же мощных замковых комплексов обеспечивало состоятельным владельцам не только надежную защиту, но и служило дополнительным (нередко очень значительным) источником дохода (захват лучших земель и большей доли добычи в набегах, взимание платы за проезд по близлежащим торгово-транспортным путям и пр.).

Развитие вайнахского общества по пути феодализации подтверждает вывод В. И. Ленина о том, что при феодализме формы зависимости крестьян могли быть самыми разными, «начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноценностью крестьян» (Полн. собр. соч. Т. 3, С. 140).

Отметить следует и то, что отсутствие государственности у вайнахов мешало юридической фиксации сословного деления; форм зависимости.

§ 2. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Об общественных отношениях, далеких от первобытности, свидетельствует и тот факт, что у вайнахов как в горах, так и на плоскости существовала частная собственность семьи на скот, пахотные земли, сенокосы, часть пастбищ и лесов. Общинными в основном оставались высокогорные пастбища, малорентабельные выгоны и пашни. Это нашло свое отражение и в чистом языке: частная собственность называлась «доадах», «шиш боахам», а общая — «юкь-ар», «юкьара боахам».

Господствующей формой общины была соседская, состоявшая из разных фамилий, как вайнахского, так иногда и иноэтнического происхождения.

Управление общиной осуществлялось сельским советом старейшин, который назывался «пхье» и собирался в определенном месте. Обсуждение дел здесь было гласным, и с 15-летнего возраста юноши могли присутствовать на собраниях как полноправные члены общины и даже высказывать свое собственное мнение. При этом, однако, требовалось логично и убедительно излагать свои мысли, разбирать все вопросы по-деловому.

Хозяйственные, общественные, судебные дела общины решались на общем сходе (по-чеченски «кхел» — совет, суд), где собирались представители от всех дворов. «Кхел» регулировал пользование общинным лесом, устанавливал порядок выпаса скота, сроки пахоты и сенокосения, производил примирение кровников, решал вопрос об устройстве дорог, мостов, каналов и пр.

Верховным органом управления у вайнахов был «Мехк кхел» — Совет страны, который собирался, как правило, два раза в год для обсуждения общенародных вопросов и разбора спорных дел. До проникновения ислама в нем господствовали старейшины из числа местной знати.

Большое значение для избрания в Совет страны имели знания обычаев, знатность, богатство, прошлые заслуги, авторитет фамилии, а также возраст, умение логично и убедительно говорить. Значение красноречия у вайнахов и их соседей в прошлом было очень высоко. Об этом свидетельствуют, в частности, изречения: «Огонь золото плавит, слово сердце плавит», «Рана, нанесенная мечом, заживает, а рана, нанесенная словом, не заживает», «Не сдержишь слова — не сдержишь клятвы» и многие другие. Характерно, что в вайнахских языках понятия «слово» и «дело» часто отождествлялись.

Древнейшими центрами сбора Совета страны были сел. Цой-Гхеда, Кей, общество Майсты, горы Мизир-Корт, Цей-Лам, Мат-Лам и др. Майстинский центр в позднем средневековье был наиболее авторитетен для всех вайнахов. Здесь собирались не только представители чеченцев, ингушей, карабулаков, но также соседние горцы-грузины — тушины и хевсуры.

Вайнахские старейшины в «Мехк кхел» устанавливали порядок землевладения и землепользования, согласовывали нормы поведения и меры наказания, решали вопросы торговли, принимали меры обороны, решали проблемы войны и мира, производили сбор средств для общественных нужд, определяли различные обложения и повинности. «Мехк кхел» имел сильную власть и мог даже сжигать неповиновавшиеся селения. Об этом свидетельствует и народное изречение: «Махко дингарг дайна, махкана дингарг днона дац» («За

действия страны не мстили, действия против страны не прощали»). Таким образом, «Мехк кхед» был важным институтом, регулирующим жизнь народа.

Отсутствие государственности и развитой письменности наложило определенный отпечаток на общественный быт чеченцев и ингушей, который определялся до проникновения ислама адатами (неписаными нормами обычного права), которые регламентировали как общественную, так и семейную жизнь.

Гостеприимство. Важную роль в общественном быту вайнахов играл обычай гостеприимства. Гостем считался каждый человек, знакомый и незнакомый, попросившийся на отдых и ночлег, высказавший просьбу защиты и содействия в чем-либо. О роли, которую играл гость, свидетельствует местная пословица: «Куда не заглянет гость, туда не заглянет добро». Гость получал от хозяина все необходимое (постель, пищу и пр.) без какого-либо вознаграждения и мог оставаться у него столько времени, сколько считал нужным. Хозяин нес полную ответственность за его жизнь и безопасность. Этот обычай способствовал развитию мирных, дружественных связей между ближними и дальними соседями, людьми разных национальностей и вероисповедания.

Куначество. Куначество могло завязаться уже при первой встрече гостя и хозяина. Для этого они давали клятву в обратимстве, или выпивали молоко из одной чашки, в которую клали кусочки ржавеющего металла (чтобы дружба была постоянной, «нержавеющей»), или обменивались оружием. После чего, завязавшееся знакомство перерастало в тесные дружественные взаимоотношения, верность которым зачастую передавалась из поколения в поколение. Этой дружбе нельзя было изменить. За грубое нарушение обычаев куначества и гостеприимства виновный сурово наказывался обществом, вплоть до объявления всеобщего проклятия и сооружения памятника позора — «карлага».

Если приезжал кунак, то его встречали как самого дорогого гостя, делали ему разные подарки, причем хозяин на прощание обязан был подарить понравившуюся вещь.

Куначество было широко распространено и между казаками и горцами. Хорошо известно, что великий русский писатель Л. Н. Толстой был кунаком чеченца Садо Мисербиева.

Почитание старших. Характерной чертой бытовавших отношений вайнахов было уважительное отношение к родителям и старшим по возрасту. Оно базировалось на отношениях, при которых общество не могло обеспечить материально и морально спокойную старость, и поэтому старшее поколение могло рассчитывать только на детей, видя в них единственную защиту и опору.

Детям внушалась мысль, что они в неоплатном долгу перед родителями. Неуважение к родителям, старшим рассматривалось как

самый сильный порок. Высоко ставился авторитет матери, бабушки, о чем свидетельствуют народные изречения «Нет выше долга, чем долг перед матерью», «Если даже ты переступил порог, раз мать позвала — вернись!».

Были разработаны специальные правила этикета по отношению к старшим по возрасту (старшие говорили первыми, им уступали место, не вмешивались в их разговор, молодые люди должны были слушать советы старших, не говорить в их присутствии непристойно, не курить, не оговариваться и пр.).

Взаимопомощь. Институт взаимопомощи — «белхи» — своими корнями уходит в глубокую древность. В прошлом он бытовал не только на Кавказе, но и в других регионах мира.

Его происхождение прежде всего связано с тем, что в условиях примитивной сельскохозяйственной техники такие земледельческие работы, как пахота, сев, уборка, сенокосение и многие другие, вызвали постоянную потребность отдельных крестьянских хозяйств в помощи родственников, соседей. Постепенно эта укоренившаяся традиция стала обычаем.

Существовало несколько видов объединений сельчан для совместных работ.

При общинном виде взаимопомощи на работу (строительство каналов, дорог, мостов, расчистка пашен и пастбищ от кустарников и деревьев и пр.) выходили все мужчины села.

Другой вид трудовых объединений включал мужчин одного квартала («куп»), которые оказывали помощь остро нуждающимся.

При объединении родственников совместно обрабатывавших землю, урожай обычно делился между ними поровну. При проведении совместной пахоты одни вносили тягловую силу, другие сельскохозяйственный инвентарь, третьи свою рабочую силу. Согласно обычаям вайнахов, не полагалось оставлять ни один не вспаханный по какой-то причине участок (несчастье, болезнь), участки вдов, стариков, сирот и пр. Немаловажное значение имело представление о том, что каждый может оказаться в таком же положении.

К помощи родных и соседей вайнахи прибегали во время прополки кукурузы и других культур, очистки полатков, обработки шерсти и изготовления шерстяных изделий (бурок, кошм), приготовления самана и строительства жилища. В этих работах принимала активное участие молодежь. На таких трудовых праздниках не только работали, но и веселились, пели, танцевали, юноши виделись со своими избранницами. Таким образом, «белхи» выполняли и функцию смотрини. При возведении дома «белхи» сопровождалась угощением присутствующих, причем спиртные напитки никогда не употреблялись.

Взаимопомощь наблюдалась не только в земледелии, строительстве, но и в животноводстве. Она заключалась в получении скота на

определенный срок, приплод от которого оставлялся нуждающемуся, а также передача скота во временное пользование в чужое хозяйство (например, при отсутствии кормов, работников).

«Белхи» — это остаточная форма прежнего коллективного труда — в условиях классового расслоения вайнахского общества стали нередко использоваться в интересах зажиточной части сельской верхушки, которая таким образом приобретала даровую рабочую силу. Причем на «белхи», созываемые религиозными авторитетами; верующие шли и со своей пищей.

В настоящее время одни формы взаимопомощи отошли в прошлое, другие видоизменились, третьи сохраняются и по сей день, органически вписываясь в социалистические праздники и обряды.

Кровная месть. Среди норм обычного права чеченцев и ингушей особое место занимал обычай кровной мести, восходящий к родовому быту. Эта норма соответствовала принципу «Око за око, зуб за зуб». Но по мере изменений в общественно-экономической жизни народа, этот обычай, хотя и сохранился, но претерпел существенные изменения. Он все более основывался на материальной ответственности.

В Ингушетии, где институт кровной мести именовался «дов», полная стоимость крови лица из высшего сословия равнялась 120 коровам, 3 лошадям (одна из которых должна быть полностью снаряжена), отрезу шелковой ткани и одному быку, которого закалывали при примирении. Кровь других сословий оценивалась гораздо ниже.

Дифференциация платы находилась также в зависимости от места ранения, степени повреждений, что определялось глубиной раны и ее длиной. Последнее производилось зерном или пальцами.

В ряде местностей Чечни выкупа за кровь не брали: существовала даже поговорка — «Мы кровь своих убитых не продаем». Это приводило к истреблению большого числа людей, поскольку мщение тянулось годами, переходя из поколения в поколение.

Кровники делились на две группы: сторона убитого и сторона убийцы. Кровная месть падала на «цийна нах» («людей одного дома») и «довзал» (семью). По обычаю, сразу после убийства близкие родственники до мужской линии покидали свои жилища и некоторое время скрывались.

Возможность и условия примирения решались на народных сходах. Практиковалось и совместное совещание старейшин. Наиболее известными местами подобных сходов в Чечне были Майсты, Кхеташ-Корт (в Ичкерии), Жеминбарз (близ сел. Чечен-Аул), в Ингушетии — у храма Тхаба-Ерда, на вершинах гор Мат-Лам и Цей-Лам.

Но свидетельству У. Лаудаева, майстинцы вообще были прекрасными знатоками норм обычного права, поэтому их часто при-

глашали и в другие места для рассмотрения наиболее сложных случаев. Ингушей приглашали хевсуры, осетины и наоборот. Это способствовало выработке общих норм обычного права.

Меры наказания и общественного осуждения. Казнь и штрафование преступника в вайнахском обществе в прошлом применялись довольно редко. Распространенным был обычай объявлять проклятие преступнику целым селением или обществом. Наиболее тяжкими преступлениями считались: убийство гостя и нарушение обычая гостеприимства, убийство прощенного кровника, измена родине, сокрытие своего преступления, когда подозрение пало на невиновного, убийство жреца, мастера-стронтеля, знатока народной медицины, прелюбодеяние, изнасилование и другие.

Вопрос об объявлении проклятия решался старейшинами селения или группы сел. Проклятие сопровождалось стрельбой, стукашем в медные тазы и подносы. В вечер, когда оно начиналось, все должны были оставаться в селе: пассивное участие в обряде могло вызвать подозрение в недобропорядочности. После массового осуждения преступник был вынужден немедленно покинуть родное село и даже пределы Чечено-Ингушетии.

В особых случаях старейшины могли принять решение о сооружении своеобразного «памятника» проклятия — «карлага», представлявшего собой кучу камней, щепок, земли, тряпья, которые бросали сюда люди в знак осуждения преступника. «Карлаги» обычно сооружались близ оживленной дороги, ближайшей к месту преступления. И всякий идущий или едущий бросал сюда со словами проклятия камень или другие предметы и таким образом со временем создавался целый курган. В прошлом угроза сооружения «карлага» являлась сильным сдерживающим началом, предупреждавшим антиобщественные проступки.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3.
Алиргов И. Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975.
Антология чечено-ингушской поэзии. Грозный, 1981.
Берже А. И. Чеченцы. Тифлис, 1859.
Виноградов В. Б. Через хребты всков. Грозный, 1970.
Виноградов В. Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // Вопросы истории. 1981. № 1.
Виноградов В. Б. Время, горы, люди. Грозный, 1980.
Вопросы истории классовобразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI—нач. XX в.). Грозный, 1980.
Вопросы поэтики и жанровой классификации чеченских героико-исторических песен илли. Грозный, 1984.
Гриценко Н. П. К вопросу о феодальных отношениях в Чечено-Ингушетии // Изв. СКНЦВШ. Ростов-на-Дону, 1976. № 4.
Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972.

- Джакильгов Н. А. Предания чеченцев и ингушей о кровавой мести//Фольклор и этнография. (Связи фольклора с древними представлениями и обрядами). Т. 1. 1977.
- Джакильгов Н. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978.
- Итали. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. Грозный, 1979.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1986.
- История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М., 1988.
- Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
- КЭС. Вып. 2. Тбилиси, 1968.
- КЭС. Вып. 6. Тбилиси, 1986.
- Лауданов М. Чеченские племя//ССКГ. Вып. 4. Тифлис, 1872.
- Маммаев М. А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973.
- Межидов Д. Д. Мудрость общения. Грозный, 1989.
- Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII — начало XX в.). Грозный, 1982.
- Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967.
- Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1968.
- Савидов Н. М. Этнографические заметки//Изв. ЧИНИИИЯЛ. Вып. 1. Т. 6. Грозный, 1964.
- Савидов Н. М. Материалы по кулачеству и гостеприимству у чеченцев и ингушей (дореволюционный период)//Тр. ЧИНИИИЯЛ. Т. 9. Грозный, 1964.
- Савидов Н. М. Об использовании одного из видов языческих сооружений в общественном быту вацалков//Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.
- Скитский Б. В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа//Изв. ЧИНИИИЯЛ. Т. 1. Грозный, 1959.
- Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963.
- Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986.
- Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI — нач. XX в.). Грозный, 1979.
- Тотоев Ф. В. Развитие рабства и работорговли в Чечне (вторая половина XVIII — 40-е годы XIX века)//Изв. ЧИНИИИЯЛ. Вып. 1. Т. 8. Грозный, 1969.
- Умаров С. Ц. О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья//АЭС. Т. 3. Грозный, 1969.
- Умаров С. Ц. К политической и социально-экономической истории Чечни XVI—XVII веков//АЭС. Т. 4. Грозный, 1976.
- Хасбулатова З. И. Структура сельской общины и патронимия у чеченцев во второй половине XIX в.//Вестник Московского университета. Сер. 8. М., 1981. № 1.
- Чакхнев Д. Ю. О социальном и конфессиональном статусе владельцев вацалских боевых башен скрестами — «Годгофами»//Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.
- Яковлев Н. Ф. Ингуши. М., Л., 1925.

Глава VI. СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

Почти до конца XIX в. у чеченцев и ингушей сохранилось деление на территориально-этнические объединения (шатовцы, тер-

доселцы, малхистинцы и др.), фамильно-патронимические группы и более мелкие объединения родственных семей.

Самой маленькой родственной единицей была семья («доьзал», «дезал»). Разрастаясь, она давала начало следующему подразделению — «некьн»//«наькье» (что дословно переводится как «лиходило, как правило, вокруг «старого дома». Это способствовало поддержанию хозяйственного и идеологического единства, образованию патронимии, которая была известна у чеченцев под названием «гъара», а у ингушей — «вьара»¹. Причем сегментация семей, образование «некьн», превращение последних в «гъара» было непрерывным процессом, в котором иногда трудно уловить переход одной формы в другую.

В далеком прошлом у кавказских народов, в том числе и у вайнахов, существовала семейная община. С развитием социального расслоения и процесса классообразования господствующей формой постепенно стала индивидуальная семья, однако семейная община в качестве пережитка продолжала существовать и в прошлом столетии. Отдельные случаи проживания неразделенных семей зафиксированы в этнографической литературе. Они состояли из 3—4-х поколений родственников (родители, дети, внуки и правнуки), включавших до 40 и более человек.

Такая семья у ингушей имела ряд названий: «цхьан баха» (проживающие вместе, большая семья), «цхьан баха вежарий» (вместе проживающие братья), «бубенбац вежарий» (неразделенные братья).

Во главе большой семьи стоял старший мужчина, затем его роль переходила к старшему сыну, а иногда к старшему брату. Управление такой семьей носило деспотический характер. Ее глава и старшая женщина распределяли работы между членами семьи, старший мог единолично распоряжаться всем имуществом. Только коровы и отдельные утварь были в собственности конкретных семейств. Двор, очаг, рабочий скот, пашня, сенокос были общими. После раздела новые семьи, составлявшие уже патронимию, продолжали оказывать помощь друг другу в проведении полевых работ, свадьбы, похороны и т. д.

Основной формой семьи у чеченцев и ингушей была малая семья, включавшая супругов с детьми, иногда и родителей мужа.

¹ В этнографической литературе с середины XIX в. для обозначения различных родственных формирований вайнахов начинают употребляться термины «тайпа»//«тейпа». По мнению исследователей, он происходит от арабского «тейфа» и проник в язык местного населения вместе с распространением ислама. Первоначально им обозначалась близкородственная группа семей, патронимия. Впоследствии он стал трактоваться более расширительно. Этим термином стали обозначать и сельскую общину. Примечательно, что и по сей день «тайпа» в разных районах республики воспринимается по-разному. Им подчеркивается этноэтнический, сословный, географический и производственный характер отдельных групп населения.

В вайнахских семьях господствовали патриархальные обычаи, выражавшиеся в подчинении женщины мужчинам, младших старшим, ограничении выбора невесты, калыме, оставлении детей при родном отце и пр.

Полновластным хозяином семьи являлся муж, который редко считался с мнением жены. Согласно обычному праву нгушей, «жена во всем должна подчиняться мужу, жена не должна учить мужа, а должна слушать его». По словам первого нгушского этнографа Ч. Ахриева, «вся жизнь нгушской женщины эксплуатируется господствующей мужскою половиной самым бесцеремонным образом». Патриархальное отношение к женщине ярко выразилось и в старой чеченской поговорке: «Лошади и жены не жалеи».

Женщины в семье выполняли многочисленные и трудные работы. Они занимались приусадебным земледелием (огородничеством). Уход за крупным рогатым скотом также был чисто женским занятием (дача корма, водопой, чистка хлева, отгон на выпас и встреча вечером, уход за молодняком, дойка коров и буйволиц) изготовление и хранение молочных продуктов, кроме того обработка шкур, шерсти, ткачество, изготовление одежды и обуви.

Женщины занимались хранением и расходованием продуктов питания, приготовлением еды и всем, что связано с кухонным делом, уборкой двора и жилых помещений, ремонтом последних, приобретением и содержанием в порядке домашнего инвентаря, водоснабжением, поддержанием огня. Вайнахи и по сей день имеют хозяйку дома «Цинна» — мать огня.

При строительстве дома в обязанность женщины входило: заготовка глины, возведение глинобитных стен, изготовление и сушка саманных кирпичей, кладка очажных устройств, штукатурка, обмазка, побелка и другие отделочные работы.

Главный труд по воспитанию детей также ложился на женщин.

Таким образом, в жизни горцев женщины играли значительную роль. Это нашло свое отражение в ряде местных обычаев: покушение на жизнь и здоровье женщины рассматривалось как тягчайшее и позорное преступление, за убийство женщины полагалась двойная месть.

О некогда высоком положении женщины в обществе свидетельствует ряд пережитков материнско-родового строя.

В прошлом женщина имела право дать развод, независимо от воли и желания мужа. Ей принадлежала часть калыма («урдо») и приданое, подарки жениха. По выходе замуж женщина не теряла принадлежности к своему отцовскому роду и продолжала именовать по отцу, принимала участие в наследовании имущества родителей. При конфликтах между родичами отца и мужа женщина всегда держала сторону первых, а при возникновении кровной вражды, навсегда покидала дом мужа. Имущество умершей жены

переходило не к мужу, а к детям, а при отсутствии таковых возвращалось в дом отца.

По обычаю, мужья сестер или ближайших родственников поддерживали тесные родственные отношения друг с другом, помогали во всех работах. Причем выше из них считался тот, у кого жена была старше. И здесь прослеживается линия жены, матери.

Характерно, что именно при выборе невесты во внимание брались генеалогические достоинства рода. Чеченская пословица гласит: «Къауагъа ху лаха, йолауа цу лаха» («Ищи сыну по роду, а дочери толкно (богатство)»).

Важную роль в делах семьи играл дядя по матери. В случае кровной мести за него мог мстить и племянник, что считалось законным. Племянники часто гостили у дяди по матери и принимали участие в делах семьи. Это явление можно рассматривать как пережиток аталычества, при котором дети до совершеннолетия постоянно жили у своих дядей по матери. Между племянником и дядей у вайнахов не существовало никаких долговых взаимоотношений. По совершеннолетию племянника дядя был обязан подарить ему коня, а при выходе замуж племянницы одарить ее коровой (так называемый «барчи»).

Приведенные факты свидетельствуют о том, что реликты материнско-родового строя у чеченцев и ингушей играли определенную (иногда очень важную) роль в их семейно-бытовой жизни и обрядности.

В быту вайнахов существовал непреложный порядок, согласно которому столкновение между мужчинами немедленно прекращалось, если в него вмешивалась женщина, бросавшая между сражавшимися головной платок.

Свадебные обряды. Вайнахи придавали большое значение созданию новой семьи. Цикл досвадебной и свадебной обрядности охватывал значительный круг родственников, знакомых, соседей. Сложился он задолго до принятия ислама, который впоследствии внес в него некоторые дополнения и изменения. Так, свадебная церемония не обходилась без участия муллы и других религиозных авторитетов, сопровождалась чтением корана. Ислам освятил выкуп за невесту (калым), закрепил неравенство женщины и т.д.

Основными формами брака у чеченцев и ингушей были: браки по сватовству и браки уводом (убегом, умыканием). Причем у ингушей основной формой брака было сватовство, остальные формы не одобрялись и нарушителей обычая долго не принимали дома. У чеченцев практиковались и браки уводом, в большинстве случаев с согласия родителей с обеих или с одной стороны.

Главными этапами любых форм брака были выбор невесты, сватовство (убег, умыкание), свадьба, послесвадебные обряды.

У вайнахов брачный возраст для мужчин наступал в 17—20 лет, для женщин — в 15—16 лет. Как правило, браки заключались го-

раздо позже, так как юноши не имели достаточно средств для уплаты калыма. Ранние браки были редким исключением, а многоженство распространялось только среди богатых и знатных. Для брака было характерно патрилокальное поселение супругов. Запрещались браки между родственниками как по отцовской, так и по материнской линиям. Считалось неприличным вступать в брак раньше старших.

При выборе невесты главное внимание обращалось на то, чтобы она происходила из хорошей фамилии, ценились ее моральная чистота, трудолюбие. Представители высших сословий не вступали в брак с представителями низших, бедняками, потомками пришлых, рабов.

У ингушей отец выступал вершителем судеб своих детей. При решении вопроса о выдаче дочери обычно не спрашивали ее согласия, а поисками кандидатуры мужа занимался широкий круг родственников. Одобрялось и затворническое поведение девушки. Зачастую для поднятия репутации родители не пускали своих дочерей даже за ворота дома. К таким «домашним» девушкам проявляли больше интереса ингушские юноши и их родители.

У чеченцев в выдаче дочерей замуж принимала участие мать. Однако нельзя считать, что браки заключались только по воле родителей. У чеченцев, в отличие от других народов Северного Кавказа, девушка в рамках строго определенных правил и норм могла общаться с юношами и таким образом выбирать себе спутника жизни. Это происходило при различных видах взаимопомощи («белхи»), свадьбах («ловзар»), вечеринках («синкъярам»), посиделках («чу кхайкхина», «прахъ Iар»), у источника («хин йистехъ»).

Известно, что имам Шамиль даже уничтожил целое село в Ичкерии с женщинами, стариками и детьми, стремясь искоренить этот институт ухаживания. Однако чеченцы последовательно боролись за его сохранение, объясняя это тем, что их не страшат внешние войны, но «страшит война в семье, у очага». И эта война всегда неизбежна, если семья слагается без взаимной любви молодых. «Безам» (то есть любовь) необходима в семье так же, как и вода в жизни».

В конце XIX— начале XX в. у чеченцев и ингушей господствовал покупной калымный брак, который возник еще при родовом строе. В связи с выходом девушки замуж в хозяйстве сокращалась рабочая сила, и поэтому «род» требовал компенсации в виде выкупа. В разные периоды истории сумма калыма была различной. На нее влияли и сословное происхождение девушки, ее красота, хозяйственность. Калым давал право даже глубокому старику жениться на молодой девушке, выдавать девушку за нелюбимого человека, лишать ее всех прав, делать собственностью мужа. Калым платили деньгами, скотом, различными ценными вещами.

У чеченцев он делился на три части: «там» (его платили роди-

телям невесты), «урдо» (оставался женщине на случай развода) и «мах» (предназначался для религиозного обряда). Существовал обычай возвращать часть калыма, делить его со своими близкими родственниками.

Непременная плата калыма за невесту имела ряд отрицательных последствий: разоряла крестьянское хозяйство, стимулировала преступность, поздние браки (и даже безбрачие).

Брак у вайнахов являлся делом целого коллектива родственников семей. Очень сложной церемонией было сватовство. Согласно обычаям брак почти не давалось с первого посещения сватов, в состав которых входили влиятельные, имущие люди и родственники.

Обряд сватовства завершался выплатой калыма. Родители невесты готовили приданое и подарки для родственников жениха, которые должны были делаться руками невесты. В целом, обычай одаривания играл в вайнаховской свадебной обрядности заметную роль. Затраты как с той, так и с другой стороны были столь значительными, что сроки между сватовством и свадьбой зачастую растягивались до трех и более лет.

У чеченцев зять входил в дом бывшей невесты через два и более месяцев после свадьбы. У ингушей будущий зять приходил и до свадьбы, но в отличие от чеченцев, не должен был видаться с родителями невесты. Прием зятя отличался особой торжественностью: готовилось угощение, устраивались танцы. Молодых гостей и стариков принимали отдельно. У ингушей, в отличие от чеченцев, в торжестве могли принимать участие только девушки. Посещая и в дальнейшем дом невесты, жених должен был каждый раз принести подарки.

У чеченцев сватовство зачастую могло кончиться тем, что невесту после уплаты калыма и свершения религиозного обряда отправляли вместе со сватами.

Если родители жениха и невесты не достигали согласия, а молодые любили друг друга, то они договаривались о встрече в назначенном месте, после чего юноша увозил девушку. Относительно редко встречалась другая форма увода — насильственная (брак умыканием). К нему прибегали в случае обидного отказа, когда девушка, ранее оказывая парню знаки внимания, впоследствии отказывалась выйти за него замуж и т.д. В большинстве случаев девушка была вынуждена стать женой похитителя, поскольку ее несогласие могло привести к столкновениям, мести.

В браках по сватовству после обручения обе стороны (жених и невеста) готовились к свадьбе.

На свадьбу обычно собиралось много народу: родственники, соседи, односельчане. У ингушей угощение устраивалось и в доме невесты.

Жених и невеста в свадьбе участие не принимали. У чеченцев жених за несколько дней до свадьбы уходил к своему лучшему дру-

гу, где находился 3—7 дней. Свадьбы обычно проходили осенью или зимой, счастливыми днями считались пятница, четверг и понедельник.

Народная свадьба чеченцев и ингушей была насыщена песнями, танцами, музыкой. Большое место отводилось юмору, шуткам. На свадьбы приглашались известные остролисты. Танцы обычно устраивались во дворе, где все садилось в круг, мужчины с одной стороны и женщины с другой. Организацию торжества осуществлял свенцальный распорядитель и двое его помощников («тхьамал-да»). На чеченских свадьбах выступали народные клоуны («джурги») и канатоходцы («пелхуо»).

Красочным ритуалом был переезд невесты в дом жениха. За ней отправлялась свадебная процессия («дзамой»), включавшая стариков, молодежь, родственников жениха. Для невесты готовили специальную, хорошо убранную арбу. В доме невесты родственники ожидали свадебную процессию, веселились, готовили угощение для гостей, обряжали невесту в «Габалин» (у чеченцев) или «чокхи» (у ингушей). На голову невесты у чеченцев падевали белый шарф, а у ингушей под шарф еще и красочную шапочку.

Увоз невесты сопровождался шуточной борьбой. Откупаться приходилось, когда невеста выходила из дома и впоследствии в пути, когда кортежу преграждали дорогу.

Прибывшую к дому жениха процессию забрасывали конфетами, орехами и другими сладостями. Невесте при выходе из повозки бросали под ноги коврик или веник, которые она должна была поднять и отложить в сторону.

Невесту помещали в специально приготовленной комнате за занавеской (по-видимому, этот обычай был связан с охранительной магией). Сюда заходили «смотреть» невесту. Свадьба продолжалась три-четыре дня и все это время жених не показывался в своем доме.

Невеста могла разговаривать с новой родней только после «морт бастар» — обычая «развязывания» языка, который происходил в день свадьбы. Новобрачную просили принести воду, которую она преподносила самому старшему. И на несколько раз заданный вопрос: «Можно ли пить?», в конце концов отвечала: «Мала» (пейте).

У чеченцев сразу же после завершения свадьбы, у ингушей через 1—2 недели, совершался обряд включения невестки в хозяйственную жизнь семьи. Он назывался «нускал хитла дакххар» — отводить невестку к воде. Для этого обряда пекли пироги. Молодежь с песнями отправлялась к роднику. Здесь пирог с иглой от подола свадебного платья бросали в воду и стреляли в него. Здесь стрельба, как и во время свадьбы, по-видимому, преследовала цель отлупить от невесты злые силы.

После завершения свадебной церемонии устраивали «мовлюд», на который приглашались муллы и мюриды.

Существенным послесвадебным обрядом являлось возвращение невесты в дом своего отца («деп'ца яр»), где она находилась от двух недель до месяца, а затем возвращалась в дом мужа. Здесь она дополняла свое приданое, которое готовили заранее. Оно состояло из платьев, посуды, постели, предметов домашнего обихода.

Свируги жили вместе с родителями до тех пор, пока не женился следующий брат, а иногда и больше. Невестка в доме мужа демонстрировала полное послушание, была безгласной работницей.

В семейной жизни молодые соблюдали целый ряд обычаев избегания: не показывались вместе, не называли друг друга по имени, никогда не ели вместе, невестка не называла по имени родственников мужа, его друзей, иногда даже соседей.

Обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей. Как уже отмечалось, в конце XIX — начале XX в. у чеченцев и ингушей основной формой семьи была малая, сохранявшая однако многие патриархальные черты, в частности приоритет мужчины и его прав в семье. В соответствии со сложившимися традициями, рождение мальчика встречалось с радостью (при заметном равнодушии к рождению девочки). Пословица гласила: «Не будет сына, не будет крова». Женщина, у которой были сыновья и вообще много детей и внуков, пользовалась большим уважением в обществе. И напротив, бездетность была настоящей трагедией для женщины, принуждавшей ее прибегать к помощи знахарок, посещать разного рода святые места, имевшие как «языческое», так и исламское происхождение.

Беременная женщина у вайнахов работала и питалась наравне с другими членами семьи. Роды происходили, как правило, в доме мужа. Причем последний обычно покидал дом, оставляя роженицу с родственниками или знакомыми женщинами. Муж возвращался дней через пять после родов. Если роды были трудными и затягивались, то помимо рациональных приемов применялись и магические (развязывали узды, открывали замки, двери, окна, расплетали косы и пр.).

Сразу же после рождения ребенка повивальная бабка обрезала пуповину, часть которой высушивалась и использовалась потом для лечебных целей. Ребенка сразу купали в теплой воде, а затем на протяжении 40 дней смазывали коровьим маслом.

По обычаю, для ребенка ничего заранее не готовили и в первое время заворачивали его в пеленки из пошепной одежды. Затем родные со стороны матери дарили люльку («ага») и все необходимое, а также в зависимости от состоятельности — барана, жеребца, корову и пр.

Обряд укладывания ребенка в люльку сопровождался угощением и происходил в один из «счастливых» дней (вторник, четверг, воскресенье).

Первое время мать и ребенка не оставляли одних из боязни, что

им могут повредить злые духи, оберегали от сглаза. Последнего особенно боялись и предохраняли ребенка специальными амулетами-оберегами (красная шерстяная нитка вокруг кистей рук, ног, желтые бусинки, кусочки определенных видов древесины и др.).

Наречение именем («Це тиллар») также сопровождалось пиршеством («мовлад деша»). Как правило, имя давали не родители, а родственники, соседи, односельчане. Наряду с именами, пропущенными вместе с исламом (Ибрагим, Хасан, Санд, Магамет и др.), сохранились и традиционные (Борз — волк, Таус — павлин, Лечин — сокол, и др.). С целью обережения новорожденных им давали имя Ваха (живи), Яха (живи), Висита (оставайся). Если рождалось много девочек, их называли Тонта (хватит), Сацита (прекрати) и т. д.

Различные обряды сопровождали первую стрижку волос и ногтей у ребенка, его первые шаги, появление первых зубов. Мальчикам в возрасте от 4 до 9 лет практиковали обрезание («сут вар»), которое было освящено исламом.

У чеченцев и ингушей, как правило, семейное воспитание дополнялось общественным.

Вайнахи воспитывали детей в духе, который соответствовал их хозяйственному, семейному и общественному быту. Ведь известно, что сила общины, семьи определялась и находилась в зависимости от каждого их члена. Система воспитания у чеченцев и ингушей отличалась гуманностью методов, когда редко применялось физическое наказание, а главными были методы убеждения, поучения и внушения.

Трудовое воспитание играло главенствующую роль и преследовало цель передать подрастающему поколению необходимые трудовые навыки, приобщить к хозяйственной жизни семьи, общины.

С 7—10 лет воспитание мальчиков и девочек происходило раздельно. Девочка становилась активной помощницей матери, ухаживала за младшими детьми, вела домашнее хозяйство, училась шитью, рукоделию, этикету. К 15 годам девушка уже считалась готовой к самостоятельной семейной жизни.

Мальчику с раннего возраста внушалось, что в дальнейшем он будет играть в семье главную роль. Мальчики помогали отцу выполнять хозяйственные и другие работы. С 15 лет они могли присутствовать на собраниях общины, жениться.

Готовя своих детей прежде всего к труду, родители разъясняли, что «лучше сделать хотя бы что-нибудь, чем ничего не делать», «кто не научится в детстве работать, будет мучиться всю жизнь», «только труд приносит радость в жизни», «человек хорошеет только в труде», «человек почитается по результатам работы его рук», «цена человеку — его работа» и т. п.

Большое внимание уделялось физическому воспитанию детей, особенно мальчиков. Бытовавшие физические упражнения, игры

вырабатывали у них силу, ловкость, выносливость. Широкое распространение имели борьба, джигитовка, поднятие тяжестей, метание камня, копья, дротика, прыжки, верховая езда и др. Юноши же из лука, арбалета, ружья, охотились, учились приемам фехтования, обезжжали коней. Умело владеть оружием и конем приучали с ранних лет. Мальчиков воспитывали мужественными, ловкими, выносливыми, так как от этого во многом зависело благополучие фольклоре: «Если храбрых рождает мать, будет род расти и стоять».

Вайнахи стремились привить своим детям такие качества, как простота, достоинство, гостеприимство, честность, верность данному слову, скромность, вежливость, уважительное отношение к старшим и другие. Резко осуждались зазнайство, хвастовство, зависть, ложь и другие пороки.

Родители и взрослые служили для детей постоянным примером. И если дети росли непослушными, вайнахское общество осуждало прежде всего родителей. Пословица гласила: «Чем иметь плохое потомство, лучше его не иметь».

Ессъма суровой мерой воздействия считалось общественное мнение, осуждение. Семейные наказания обычно состояли из ограничений, которые накладываются на жизнь подростка, и поручений тяжелой или неприятной работы.

Определенный вред системе воспитания вайнахов причинил ислам, стремившийся воспитать в детях дух покорности аллаху, уважение к деятелям религии (кем бы они не являлись и как бы себя не вели), неприязнь к иноверцам, слепое повиновение старшим и др.

Однако многовековой положительный опыт народной педагогики чеченцев и ингушей может и сегодня служить целям воспитания наших современников трудолюбивыми и общественно полезными людьми.

Погребальные обычаи. До проникновения ислама основными видами погребальных сооружений у вайнахов были каменные ящики, грунтовые погребения и склепы («каш», «малх-каш», «эмар»). Последние (подземные, полуподземные и наземные) содержали прах нескольких десятков, а порой и сотен умерших, являясь патристическими. Склепы были большей частью многоярусные (многоэтажные). Усопших укладывали обычно на полу, на каменные полки и межъярусные перекрытия вытянуто на спине, ногами к лазу. В головах ставились кувшины и другая посуда. Обычный погребальный инвентарь составляли предметы быта, оружие, украшения. Высокогорный сухой и чистый воздух способствовал естественной мумификации трупов. Похоронные обряды включали скачки, стрельбу в цель и многочисленные в течение года разор-

тельные поминки. Часть языческих элементов впоследствии была включена в мусульманские погребальные обычаи.

Предпогребальный ритуал включал в себя следующие действия. В доме тяжелобольного собирались родственники и спрашивали у него последнюю волю. При этом приглашался мулла или человек, умеющий читать коран. После наступления смерти женщины начинали оплакивать умершего. Тело омывали и заворачивали в саван («марчу»). Обычно мужчину заворачивали в 3—4 слоя белого матернала, а женщин — в пять и более. Предварительно на женщин чеченок одевали рубашку, а на голову — «чухту» и зеленый платок. Юношей и девушек одевали в нарядные одежды и только после этого заворачивали в саван.

К числу пережиточных доисламских явлений следует отнести запрет разжигать в доме покойного огонь, готовить пищу, оставлять его одного. По представлениям верующих, душа еще какое-то время находится в мире живых и требует к себе внимания. Родные раздавали присутствующим поминальную пищу («чипилгащ», калву и т. д.), а также одежду умершего. Часть близких родственников резали скотину и мясо также раздавали.

Похороны были многолюдными и устраивались в день смерти. Получив горестное известие, все родственники и знакомые спешили в дом умершего. Всякий, кто проходил мимо, обязан был зайти во двор и совершить молитву. Большая роль в похоронах принадлежала плакальнице, которая в причитаниях говорила о хороших качествах покойного.

Тело усопшего везли на арбе или несли на носилках только мужчины. Захоронение совершалось на отдельном патронимическом участке кладбища.

В день похорон родственники собирали деньги семье покойного. На седьмой день женщины посещали могилу, устраивали поминки. Все семь дней приходивших в дом людей, выражавших соболезнование, угощали мясом, халвой и другой пищей. На седьмой день после похорон в доме умершего устраивалось угощение, близкие родственники приносили что что мог. Вдова в течение года носила черную траурную одежду.

По обычаю, над могилой устанавливался надгробный памятник — «чурт». Помимо него, над могилами погибших в бою ставился шест с флажком (таких умерших хоронили в том же виде, без омовения и савана).

Традиция устанавливать над могилами стелы восходит еще ко II—I тысячелетию до н. э. (в частности, погребения какайяско-лабрачоевской культуры). С началом исламизации этот обычай не исчезает, хотя ортодоксальный ислам запрещает отмечать погребения какими-нибудь памятниками, камнями.

Ранние чурты были покрыты «языческим» декором (человеческие фигуры, оружие, солярные знаки, предметы быта и пр.). В пору

господства ислама чурты покрывали арабскими надписями, цитатами из корана. Но отголоски «язычества» сохранились до недавнего прошлого. На чуртах изображались различные предметы (одежда, украшения, пояса, обувь, книжки, часы, пожницы, посуду, которые по законам «язычества» полагали бы в могилу. Встречались изображения людей, животных, птиц, что также запрещено исламом. Наряду с арабскими надписями сейчас встречаются надписи и на русском, родном языках, сообщавшие о том, кто и когда здесь похоронен.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2.
- Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.
- Ахриев Ч. Ингушские праздники // ССКГ. Вып. 5. Тифлис, 1871.
- Бергс А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.
- Джамбулатов И. И. Из истории развития конных игр и состязаний у ингушей // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. 10. Грозный, 1976.
- Исламов А. А. Вайнахские культы огня и плодородия как явления матри-линейного порядка // Изв. ЧИНИИЯЛ. Вып. 1. Т. 9. Грозный, 1972.
- Исламов А. А. Некоторые пережитки материнско-родового строя у чеченцев и ингушей // АЭС. Т. 4. Грозный, 1976.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
- История народов Северного Кавказа (конец XVIII—1917 г.). М., 1988.
- Краснов А. И. Физическая культура и спорт в Чечне и Ингушетии. Грозный, 1963.
- Кудусова Ф. И. К вопросу о браках и формах их заключения у ингушей в конце XIX—начале XX века // Изв. ЧИРКМ. Вып. 11. Грозный, 1975.
- КЭС. Вып. 2. Тбилиси, 1968.
- КЭС. Вып. 6. Тбилиси, 1986.
- Мамакаев М. А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973.
- Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
- Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967.
- Семейно-бытовая обрядность вайнахов. Грозный, 1982.
- Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983.
- Хасбулатова З. И. Пережитки большой семьи у чеченцев в конце XIX—начале XX в. // Проблемы истории СССР. Вып. 9. М., 1979.
- Хасбулатова З. И. Обряды, обычаи и поверья чеченцев и ингушей, связанные с рождением и воспитанием детей в дореволюционном прошлом // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.
- Хасбулатова З. И. Жилище и семья у сельского населения Чечено-Ингушетии в XIX—XX вв. // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984.
- Хасбулатова З. И. Из опыта народной педагогики вайнахов (XIX—начало XX в.) // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988.
- Этносоциальные и культурно-бытовые процессы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.
- Яковлев Н. Ф. Ингуши. М.; Л., 1925.

Глава VII. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

§ 1. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Духовная культура чеченцев и ингушей включала в себя большой пласт ценностей, накопленный в дореволюционный период в различных областях. Важной сферой духовной культуры являлись народные знания (агротехнические, зоотехнические, метеорологические и др.), а также календарь, счет и метрическая система. О некоторых из них уже шла речь в разделе, посвященном хозяйству вайнахов. Здесь же отметим астрономические и медицинские местные знания.

Вайнахам были известны такие астрономические понятия, как «анз»//«ан» — горизонт, «стигал»//«сигале» — небо, «кылбие»//«кълубехие» — юг, «кылбснедие»//«кылбседкье» — север, «малхбузие» — запад, «малхбалне»//«малхбоалне» — восток, а также около полутора десятка звезд, среди которых Венера — «Садвсиеда»//«Сахуълусиеда», Полярная звезда — «Кълбсиеда»//«Кълбседкъя» и другие. Среди созвездий следует отметить Большую Медведицу — «ВуорхIвешин ворхI сиеда»//«ВуорхIвешин седкъя», созвездие Близнецов — «КоврэгIна сиеда»//«Кейранседкъя», Ориона — «Маьркъажасиеда»//«Маркъажунсиеду» и другие. В прошлом чеченцы и ингуши по звездам определяли время паводнений, предсказывали наступление морозов, засух, будущее урожая и т. п.

Среди вайнахов было немало искусных лекарей, главным образом по излечению ран. К ним нередко обращались рядовые и офицеры царской армии. Для заживления ран использовались специальные мази, состав которых держался в секрете и передавался от отца к сыну. Среди народа лекари пользовались всеобщим уважением, а убийство знатока народной медицины считалось тягчайшим преступлением против всего общества. Другие болезни лечили иными средствами: было известно использование пиявок, минеральных вод, различных жиров, трав, лечебное питание и т. д. Ряд потомственных династий лекарей Чечни и Ингушетии вплоть до начала XX в. славились своими искусными и сложнейшими операциями по трепанации черепа (в частности, лекари из обществ Майсты и Нахаха, сел. Хай, Цеча-Ахк, Эгикал, Хамхи, Салги, Лежги и др.). В древностях края фиксируются и отдельные инструменты вайнахских лекарей.

Большим своеобразием отличался отсчет времени у чеченцев и ингушей в прошлом. Он велся от настоящего («карара хан») к прошлому («яхана хан») или будущему («тIейорIу хан»). Причем прошлое делилось еще на 5 форм.

Длиительные отрезки времени группировались по 11 («раж») и 33 («хузи») годам. Празднование 11-летнего цикла было приурочено

по ко дню зимнего солнцестояния, 33-летнего — к весеннему равноденствию. Названия каждого года, первого из названных циклов, были связаны с частями тела животных, а второго — с частями тела человека. Счет производился по пальцам рук и ног, по фалангам пальцев рук и иными способами.

Год («шо») состоял из 12 месяцев («бутт»). У вайнахов существовал отсчет на год вперед («тледоглу шо») и на два года назад («мур»); весна («блаете»), лето («аьхке»), осень («гуйре») и зима («ла»).

Переломные моменты года определялись в основном по солнцу, по его отношению к заметным ориентирам (например, вершинам или вертикальным шестов. По предположениям чеченцев и ингушей, днем солнце освещает мир живых, а ночью — мир мертвых, и когда в первом — лето, то во втором — зима.

По истечении 25 дней зимы и лета наступали периоды «чилла» (летний — «аьхкена чилла» и зимний «лаьна чилла»). С летним — связывался наивысший подъем жары, с зимним — стужа.

Вайнахи делили год по солнцестояниям и весенне-осеннему равноденствию. Поэтому месяцы местного календаря начинались с 23-го числа. По Б. Далгату, месяцы традиционного календаря ингушей носили следующие названия: январь — «наджиганхой бутт» (самый холодных месяц), февраль — «мархи бутт» (месяц поста — влияние христианства), март — «бекрик бутт» (кукушкин месяц), апрель — «Рушולי бутт» (назван по празднеству в честь богини Тушולי, в это время прилетает угод), май — «Сели бутт» (месяц бога грома и молнии), июнь — «мангл бутт» (месяц покосов), июль — «Мятцели бутт» (назван по празднеству в честь бога Мятцели), август — «Мяткали бутт» (назван по празднеству в честь божества Мяткали), сентябрь — «тау бутт» (месяц отавы или второй травы после покоса), октябрь — «ардари бутт» (месяц молотбы), ноябрь — «орхи бутт» (в этот месяц баранов пускают к овцам), декабрь — «огой бутт» (в данный месяц откармливают скот и начинают его резать).

Каждый месяц делился на четыре недели («кпир») из семи дней («де»). До проникновения христианства у чеченцев и ингушей господствовала пятидневная неделя. Понедельник («оршот») — первый день был посвящен ветрам: в этот день полевые работы не выполнялись, так как считалось, что все разнесется ветром. Вторник («цицара») считался днем быков. Среда называлась Кер-Села, то есть день бога Селы. В среду нельзя было ничего давать из дома, в особенности огонь. Четверг («огой-сара») праздновался де-вушками. Пятница («периске») стала священным «джумэ» только с проникновением мусульманства. Суббота («шот») — день волков. Считалось, что у того, кто почитает этот день, волки не будут тро-

гать овец. Воскресенье («кириде») недельный день, под влиянием христианства считался божественным днем.

Счет дней недели у вайнахов велся не только на 7 дней вперед, но и на 7 дней назад.

Сутки в чеченском и ингушском языках были известны под словосочетанием день-ночь («де-буьйса»). Утро («луьйре») связывалось с добрым началом, тогда как вечер («суьйре») со злыми силами. Сутки дробились на 12 фаз (по 6 на день и ночь). Например, на день приходились следующие: «луьйре» — утро, «Глушка хан» — время утренней трапезы пахарей, «делкха хан» — полдень, «делкхал тIаалхве» — полуденное время. «Гопжа хан», «суьйре» вечер.

Календарные циклы чеченцев и ингушей были тесно связаны с земледелием и скотоводством, основывались на большом практическом опыте народа, астрономических наблюдениях и математических расчетах.

Основные даты традиционного календаря отмечались празднествами и обрядами. День весеннего равноденствия знаменовал начало нового сельскохозяйственного года и глубоко почитался вайнахами. К нему заблаговременно готовились, тщательно убирали дом, сытно кормили живность.

Спустя три дня праздновали день выхода плуга в поле («гота йонду де»). Жители села собирались во дворе выборного пахаря — «беркате стаг» (человека, несущего благополучие). Здесь запрягали волю. Их шею и рога смазывали маслом, на рога и хвост навешивали красные ленточки, а иногда на рог надевали калач и т. п. После молитвы распорядителя об урожайном годе, плуг вывозили в поле, причем навстречу процессии выходили женщины с полными кувшинами. После проведения первой борозды начинался сев, который производил выборный сеятель, одетый в шубу наизнанку.

В прошлом вайнахи широко отмечали летнее солнцестояние: по-своему делали жертвоприношения, разжигались костры, устраивались различные состязания и прочие мероприятия.

Праздники сенокоса и уборки колосовых часто совпадали. Перед началом работ также совершались жертвоприношения, моления об успешном их завершении носили семейный характер. На трапезы приглашались соседи и родственники. Начал сенокоса и жатвы поручалось «беркате стаг». Пучки первой скошенной травы и первые колоски хранились в доме до следующего сенокоса и жатвы.

Возвращение стада с летних пастбищ, стрижка овец, их случка отмечались у чеченцев и ингушей жертвоприношениями, трапезой, песнями, плясками. Женщины пекли специальные обрядовые печеня и хлеба.

Новогодний праздник относился к числу семейных. К нему заранее готовились — пекли хлеба, пироги, блины, резали скотину, приготавливали напитки из хлебных злаков (арака, пиво, брага). К празднику приурочивалось обновление огня в очаге. Считалось, что

от обилья новогоднего стола зависит достаток семьи в течение всего года. В праздник были распространены различного рода гадания на будущее, хождение ряженных, скачки, игрища и увеселения. Следующей важной сферой духовной культуры вайнахов являлось искусство. До революции оно было представлено народным творчеством (см. параграф «Кустарные промыслы и ремесла»). Сравнительно высоким мастерством отличались работы местных мастеров-строителей, ювелиров, оружейников, деревообделочников, топчаров и многих других умельцев.

Жесткие рамки ислама сдерживали развитие изобразительного искусства. В основном растительный орнамент преобладал в вышивке (одежды, подседельников, сумок и пр.), чеканке по металлу, резьбе по камню.

Большого искусства вайнахи достигли в строительном деле. Их башни, склепы, святилища вызывают восхищение изяществом и законченностью конструктивных решений, тщательностью кладки и отделки. В стены многих из них вставлены камни с линейными петроглифами, представляющими собой тамги, обереги (солярные и лунные символы), а также целые декоративные панно (возможно, что это было своеобразным рисуночным письмом). Иногда встречаются и целые сюжеты, выполненные охристой краской.

Широко было представлено музыкальное и танцевальное искусство. Большим разнообразием отличались песни. Среди них были героические и свадебные, лирические, трудовые и песни-плачи. Народные песни и танцы исполнялись под аккомпанемент «чондырк» (род двухструнной скрипки), «дечигпондар» (разновидность горской балалайки), «пандыр» (трехструнной скрипки), зурны, бубена, свирели, барабана, гармоник. Наиболее популярным танцем являлась разнотипная парная лезгинка.

У чеченцев и ингушей определенного уровня развития получили в прошлом также театральное («джухурги») и цирковое («пелху») виды искусства.

В сокровищнице духовной культуры вайнахов были выработанные народным опытом и мудростью такие обычаи, как «белхи», гостеприимство, куначество, уважение к старшим и многие другие.

Важное место в духовной жизни чеченцев и ингушей занимало устное народное творчество. Нартский эпос вайнахов имел ряд общих черт с подобными сказаниями осетин и адыгов.

Разнообразны были формы чечено-ингушского фольклора — предания, сказания, сказки, поговорки, легенды, песни. Их мотивы использовались в произведениях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого и других писателей.

Таким образом, духовная культура чеченцев и ингушей отличалась богатством и разнообразием форм, играла ведущую роль в их жизни.

§ 2. ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ ВАЙНАХОВ

Религиозные верования чеченцев и ингушей, как и других народов мира, прошли в своем развитии ряд этапов от ранних первобытных представлений до более развитых политеистических и монотеистических систем.

К наиболее ранним формам религии, пережитки которых сохранились до недавнего времени (ведь «раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованных от прежних времен» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21/ С. 315)), относятся погребальный культ, тотемизм, анимизм, магия и др. По отношению к материально-родовой идеологии связаны представления о духах — матерях природы и стихий. Среди них: «Хинаналг»//«Хинаналг» — Мать воды, «Дерианалг»//«Дарзнаналг» — Мать вьюги, «Мехнаналг»//«Михнаналг» — Мать ветров, «Ценаналг»//«Цинаналг» — Мать огня, и другие.

На вайнахском материале практически невозможно выделить признаки, присущие тотемизму, который бытовал десятки тысяч лет назад. Возможно, тотемными животными у далеких предков вайнахов были волк и кабан (свинья), о чем свидетельствуют наименования, в частности, чеченских исторических обществ в верховьях Чаны-Аргуна — «Борэхой» и «Хьаккой». Ту же генетическую основу можно усмотреть и в таких личных именах вайнахов, как Борз — волк. Нал — вепрь, Бож — козел, Леча — сокол, Наж — дуб, и многих других.

В целом же, поверья, связанные с животными, являются зоолатрическими: в них переплелись промысловый и скотоводческий культы, суеверный страх перед опасными, хищными животными. Наиболее почитаемыми животными у чеченцев и ингушей являлись олень, волк, тур, кабан, бык, корова, баран, лошадь, а также и птицы — орел, сокол, голубь, ласточка, угод и другие.

С ранними религиозными верованиями связано почитание у вайнахов местных гор, скал, камней, рощ и озер. Ведь ранние верования порождались чувством зависимости человека от конкретной природной среды, в которой он осуществлял свою деятельность. В Чечено-Ингушетии известны такие «священные» вершины, как Те-булос-Мта, Мат-Там, Цей-Там, «священные» озера — Цен-Ам, Галанжож-Ами и многие другие. А среди почитаемых камней и минералов были сердолик, халцедон, гагат и другие, включавшиеся в ожерелья и талисманы.

Существенное место в системе древних представлений играли магия. Она была связана как с семейно-бытовой сферой, так и с хозяйственной деятельностью людей.

Земледельческая магия включала в себя такие приемы, как перетаскивание плуга через реку, мытье в реке мотыг и т. п. При сильной засухе прибегали к обряду «кьаршкьуре»//«мустагударг». Суд

его заключалась в том, что группы детей и подростков, среди которых был ряженый, обходили все дворы села. Хозяйки обливали водой ряженого, а детям давали съестное (обычно сладости). Комплекс магических действий сопровождал животноводческую деятельность вайнахов, охоту, воинские акции, ремесленное производство.

Лечение также сопровождалось магическими разнохарактерными приемами. Местные знахарки манипулировали засушенной лапой медведя, хвостом черной кошки, поджаренными зернами кукурузы и т.п.

Любовная магия включала различные действия, имеющие целью приворожить любимого человека, гадания, в которых чаще всего использовалось зеркало.

Вредоносная магия преследовала цель наслать на человека болезнь, «порчу». Для этого использовались обувь намеченной жертвы, волчий астрагал, обрезки ногтей и волос, высушенная жила волка и т.д. Чеченцы и ингуши верили, что вред человеку можно нанести также словом и особенно сглазом. Для предохранения от сглаза пользовались различного рода амулетами.

Как свидетельствуют археологические данные, в I тысячелетии до н. э. у предков вайнахов происходит процесс антропоморфизации божеств. Так, на это указывают многочисленные находки металлических идолов.

Основными божествами пантеона являлись Дела — бог солнца и неба, отец иных богов, Села — бог грома и молнии, блюститель правдивости, Тушоли — первоначально женский дух возрождающейся природы, растительности, затем богиня плодородия, Галь-Ерда — покровитель скотоводства, Елта — хозяин диких зверей и покровитель охотников, Эштр — бог загробного мира, Молдзы-Ерда — бог войны.

Накауне христианизации вайнахами почитались главным образом антропоморфные, функциональные божества, так или иначе связанные с плодородием. Боги пантеона «заботились» об урожае, приплоде стада, деторождении, удачной охоте, военных успехах, то есть обо всем, от чего зависела жизнь горцев.

Таким образом, в ходе исторического развития была выработана религиозная система, достаточно хорошо приспособленная к уровню социально-экономического развития чеченцев и ингушей, к определенному хозяйственно-культурному типу, связанному с пашенным террасным земледелием и отгонным скотоводством.

Куль божеств был в основном утилитарным с отдельными элементами более ранних религиозных форм. Празднества в честь общевайнахских патронов были приурочены к началу или окончанию сельскохозяйственных работ, к важнейшим датам традиционного календаря. Языческие обряды сопровождалась молениями и жертвоприношениями, а также песнями, танцами, гаданиями.

ми, состязаниями и т. д. Они происходили у стен святилищ — специальных построек — «жилищ» божеств. И по сей день в горах Чечено-Ингушетии сохранились сотни столпообразных культовых строений и святилищ-зданий. Руководящую роль в языческих празднествах играли вайнахские жрецы.

Проникновение христианства в Чечено-Ингушетию. В период средневековья происходит знакомство вайнахов с монотеистическими религиями, в частности с христианством, основным распространителем которого выступала феодальная Грузия. Ее влияние в это время испытали многие народы Северного Кавказа. Между Грузией и предками чеченцев и ингушей издавна существовали самые тесные военно-политические, экономические и культурные связи. По свидетельству грузинских летописей, царь Квирикэ III (1010—1037 гг.) даже назначил эристава в Кветерский округ, куда входили джурдзук и глгвы. Отсюда, из Грузии, насаждалось и христианство, при помощи которого грузинские монархи стремились укрепить свое влияние на местные племена. Об этом со всей очевидностью говорят обильные письменные, археолого-этнографические и иные источники.

В горной Ассинской котловине Ингушетии известны сейчас три христианских храма — Тхаба-Ерда, Алби-Ерда и Таргимский. Вместе с тем, согласно этнографическим данным, в прошлом подобные храмы существовали во многих других районах края.

Самый монументальный из них — Тхаба-Ерда, площадью более 100 кв. м — украшен пышной резьбой по камню на церковные темы. Археологические раскопки подтвердили наличие трех его строительных периодов — VIII—IX вв., рубеж X—XI вв. и позднее средневековье, когда храм, возведенный грузинскими зодчими, был перестроен в соответствии с местными вкусами и, по сути, превратился в языческое святилище. Внутри храма были обнаружены купель для крещения новорожденных и высеченный из камня крупный крест.

На черепицах, перекрывавших храм, зафиксированы надписи, в которых упоминаются католикос Грузии Арсений (X в.), епископ Георгий (X в.), католикос-патриарх Мелкизедек I (первая треть XI в.), а под полом и у стен выявлены погребения IX—XIII вв., в основном соответствующие христианским канонам.

Раннехристианские каменнопоясничные захоронения этого периода обнаружены у селений Памет, Лежги, Мещал, Шуан и других.

К числу христианских древностей края X—XIII вв. относятся также пательные и массивные металлические кресты, названия некоторых мест, как «Юрдапо» — место крещения, «Керистие» — село «Христианское», «Говрчачга ара» — поляна святого Георгия, «Мачетара босса» — склон священника и другие.

Процесс христианизации поддерживался в основном внешним давлением Грузии. Он был выгоден лишь порождающейся местной

феодалной верхушке, которой удобней и легче было запугивать соплеменников карами одного всемогущего бога, новыми картинками златобогного мира. Народная легенда, например, вкладывает в уста христианского царя, прибывшего в Ингушетию, такие слова, обращенные к местному владельцу, Барахой-Каиту: «Я построил в твоей стране Тхаба-Ерду... чтобы ты остался доволен».

Характерной для христианства являлась проповедь повиновения и покорности, освящение власти имущих. По свидетельству этнографов, проживавшие в горной Ассинской котловине так называемые «лучшие ингушские фамилии», после ежегодных молений в Тхаба-Ерда, «отправлялись с оружием в руках за сбором дани ко всем окрестным племенам».

Но период активного насаждения христианских догм из Грузии оказался кратковременным. В XIII в., в связи с нашествием чингизидов, проповедь нового вероучения прекращается. Последний всплеск этому процессу дает период правления Георгия V Блистательного (1318—1346 гг.), когда захватчики были изгнаны из Грузии и все земли ее объединились. Георгий V делает еще одну попытку утвердить влияние Грузии на Северный Кавказ. По свидетельству грузинских летописей, «он вступил в Осетию и Кавказские горы, чтобы еще более укрепить власть свою в этом крае». Как и ранее, политические устремления сопровождаются христианизацией. Миссионеры-священнослужители вновь отправляются в горы края. В частности, католикос Евфимий, который сам видел храмы «у народов нахче» (то есть чеченцев), приказал Курмухскому архиепископу Квириле Донаури послать по всем церквам и монастырям свиски евангелия; что и было сделано.

Старания Георгия V Блистательного, по-видимому, не были напрасны. В старинном грузинском манускрипте того времени сообщалось: «Да вспомоществует бог непобедимому Георгию Блистательному, по стараниям которого еще более усилилось христианство между горцами».

К этому периоду, возможно, относится предание о том, как в район горного озера Галанчож-Ами пришли вооруженные люди. Они построили христианский храм и обнесли его оградой. Сюда стекались на моления жители окрестных мест. Однако вскоре пришельцы стали чинить притеснения, после чего произошло восстание местных жителей и изгнание ревнителей Христа. В этой связи примечательны и барельеф Тхаба-Ерда, где одно из лиц изображено с крестом в одной руке и мечом в другой.

Все это указывает на методы, которыми действовали распространители христианского вероучения: первый шаг — строительство церкви или монастыря, второй — начало поборов и притеснений местных жителей. Христианизация и феодализация шли рука об руку. Таким образом, в глазах горцев христианство воплощало по-

ые социальные порядки и поэтому вызывало упорное сопротивление.

В силу неразвитости местных социальных структур утверждения христианской религии в догматической форме не произошло. К периоду средневековья относится формирование синкретической религиозной системы вайнахов, в которой тесно переплелись и видоизменились черты язычества и христианства.

Из нового вероучения оказалось заимствовано то, что было близко традиционным верованиям — культ святых, церковных реликвий и другое, а также идеи, соответствовавшие интересам нарождающегося класса феодалов.

Бог солнца и неба Дела постепенно превратился и верховного и всемогущего бога. Богиня плодородия Тушולי стала именоваться «богородицей» или «девой Марией». Под влиянием христианства возникло представление об аде и рае, всемирном потопе и другие.

В культовую практику вайнахов прочно вошел слой религиозных терминов, заимствованных с помощью христианства из грузинского языка. Это «мозгар» (священник), «марха» (пост), «жлара»// «жларг» (крест), «ялсамани»// «ялсамале» (рай), «жожжахати»// «жожгалате» (ад), «чурам»// «клерам» (свеча) и другие. То же самое можно сказать и о таких днях недели, как понедельник, пятница, суббота, воскресенье.

Христианским влиянием объясняется и появление у чеченцев и ингушей таких имен, как Хава (Ева), Адам, Харон, Нохья (Ной) и ряд других. Христианские атрибуты (церковная утварь, кресты, пергаментные грузинские псалтыри, свечи) ставятся неотъемлемой принадлежностью позднесредневековых культов.

Большие изменения претерпел и календарь прежних языческих празднеств, которые отмечались по воскресеньям, на Троицу, Пасху и пр. По этому поводу российские исследователи отмечали, что, например, у ингушей «святые суть большей частью христианские, праздники тоже совпадают с нашими».

В целом же, толща язычества оказалась незначительно поколеблена христианством. Причины этого следует искать в том, что язычество коренилось в самих основах народа, христианство же прививалось извне и, как правило, насильственно. Более глубокой причиной формирования синкретической религиозной системы у вайнахов являлись замедленные темпы социально-экономического развития. То есть смешение элементов христианства и язычества базировалось на переплетении факторов общинно-родового и классово-феодалного характера.

В период позднего средневековья укрепляются русско-вайнахские связи. На территории края появляются первые группы старообрядческого населения.

В конце XVI—XVII в. вновь заметно усилились и грузино-вай-

наские взаимоотношения, в связи с чем наблюдается некоторое оживление христианства.

Правящие круги Грузии «вспомнили», что некогда вайнахи уже были христианизованы. Грузинский царь Теймураз, в частности, писал: «Кистины, галгаи и дзурдзуки прежде говорили на грузинском языке и были христианами». Им же был осуществлен в 1638 году поход в горы Кавказа, во время которого, как он сообщал русскому царю, «жители всех этих гор мне подчинились и принесли мне свои старые записи и я их скрепил, и многие крестились, и теперь стоят церкви, иконы и колокола...».

А в 1657 году вместе с царем Теймуразом и тушинцами в Москву прибыли посланцы Шибутского джамата (одного из обществ горной Чечни). Они приняли присягу в подданстве России не на коране, а по христианскому образцу, в Успенском соборе Кремля.

В горных районах края архитектурные сооружения конца XVI—XVII в. украшаются крестами с «Голгофой», грузинскими надписями и т.п. В позднесредневековых склепах появляются захоронения в деревянных гробах.

В процесс христианизации конца XVI—XVII в., как и раньше, оказалась вовлечена местная феодализирующаяся верхушка, для которой это вероучение и тесные связи с Грузией виделись необходимым элементом в укреплении своей силы и влияния на соплеменников. И на этот раз христианство не получило у чеченцев и ингушей широкого распространения, поскольку христианизация не подкреплялась постоянной квалифицированной помощью извне (Грузия подвергалась постоянным нашествиям Османской Турции и шахского Ирана) и не отвечала уровню социально-экономического развития местного населения, верхи которого не могли самостоятельно внедрить и укрепить догматы христианства в среде рядовых общинников.

Влияние мощензизма не привело к однородности и чистоте местной религиозной системы, но способствовало утверждению христианского самосознания. В частности, в присяге кистин за 1761 год говорилось: «Как наши прадеды состояли в вере христианской, так и мы не покинем».

В западных же районах края христианство в какой-то степени поддерживалось с середины до конца XVIII в. грузинскими, а позднее и русскими священниками из Осетинской духовной комиссии. Миссионеры распространяли среди повокрещенных пательные кресты, иконы-складни и другие предметы.

Однако их деятельность не затронула основ прежних взглядов. Служителям христианского культа было достаточно того, что население крестилось (осенялось крестом и окроплялось «святой» водой), и лишь поэтому многие из тех, кто не был знаком с канонами христианства, объявлялись христианами.

Основная масса местного населения продолжала исповедовать

синкретические верования. Возможно, что только часть ингушской верхушки стала на позиции канонического христианства. Дети старшин учились в Спято-Трошском мужском монастыре и в Моздокской духовной школе.

Но результаты деятельности христианских миссионеров в конце XVIII — начале XIX в. стали сходить на нет, поскольку в крае началось утверждение феодально-великодержавных порядков. В этих условиях миссионеры, являвшиеся проповедниками политики царизма, поскольку призывали к покорности и смиреннию, изгонялись и уничтожались горцами.

Идеологическим оружием в борьбе против царизма становится ислам. В силу определенных исторических причин исламизация еще в XVI—XVIII вв. охватила наиболее экономически развитые и многонаселенные районы равнинной зоны.

По мере развития феодализма в период позднего средневековья происходила ломка старых религиозных верований и дальнейшее усвоение ислама преимущественно на плоскости и элементов христианства в горах. При этом если в плоскостных районах процесс усвоения единобожия в значительной степени облегчался «разноплеменностью» и перемешанностью населения, а также довольно высоким уровнем социально-экономического развития и целым рядом внешнеполитических факторов, то в горах, в силу определенной стабильности и даже застойности этнических и социальных процессов, прежние религиозные верования отличались большей консервативностью и в значительно меньшей степени оказались подвержены влиянию сначала христианства, а затем и ислама. Академик Шегрен в середине XIX в. писал о горной Ингушетии: «Мулла свободно кричит при колокольном звоне. Кистинский кумир Гальерд спокойно стоит в старой, оставленной церкви царицы Тамары». Именно в горных уголках края этнографы вплоть до начала XX в. могли наблюдать традиционные моления и жертвоприношения.

Проникновение ислама в Чечено-Ингушетию. Мусульманское духовенство дореволюционной Чечено-Ингушетии, пытаясь закрепить свой авторитет и привилегированное положение в обществе, придумывало различного рода легенды о проникновении ислама на территорию края. Эти мифы повествовали об очень давнем бытовании мусульманства у чеченцев и ингушей, о беспроблемном, «по зпачению сыпше», принятии его и даже о том, что родоначальниками вайнахов являлись выходцы из исламских ближневосточных стран. Однако все эти легенды опровергаются подлинными историческими источниками, которые констатируют, что только через века языческих и христианских верований чеченцы и ингуши пришли к исламу.

Мусульманство, как новая монотеистическая религия, возникло в VII в. н. э. на Аравийском полуострове в качестве национальной религии арабов. В их государстве (халифате) были взяты на воору-

дение законность и необходимость «джихада», то есть борьбы за веру, начались широкие захватнические войны с одновременным насильственным исламом среди покоренных народов. В результате таких завоевательных войн арабы в VIII—IX вв. и появились на Северном Кавказе.

Источники сообщают о том, что дзурдуки (предки вайнахов) оказали упорное сопротивление тем, кто утверждал огнем и мечом веру в предписания пророка Мухаммеда. Ведь коран, а еще больше некоторые его толкователи призывали к прямому уничтожению неверцев: «А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то ударьте мечом по шее, а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы».

В начале XIII в. на территорию Чечено-Ингушетии вторглись чингизиды. Источники подчеркивали, что черкесы (так в это время называли всех северокавказцев, в том числе и вайнахов) спят, положив под голову кольчужную рубаху, с оружием наготове.

Нашествие монголо-татар до середины XIII в. не сопровождалось насаждением ислама, так как в это время они сами были язычниками. Только в 1258 году золотоордынский хан Берке принял мусульманство и стал предпринимать попытки обратить в эту религию подвластные народы. Предки чеченцев и ингушей в данный период сохраняли позиции последовательных врагов чингизидов.

В конце XIV в. часть вайнахов (население Черных гор и Юго-Восточной Чечни) подверглась страшному разорению полчищами Тимура, шедшими под знаменем газавата (борьбы против неверных). Очевидцы свидетельствовали, что не знавший пощады эмир во время похода уничтожал церкви и капища, идолов местного населения.

К этой эпохе (точнее к 1405—1406 гг.) относится сооружение первого из дошедших до нас архитектурных мусульманских памятников в крае — изящного мавзолея Борга-Каши у селения Плевое в Ингушетии (Назрановский р-он). Он был возведен в честь некоего «Бек-Султана, сына Худайнада» — одного из предводителей тюркского племени Золотой Орды.

После ослабления и распада этого государственного образования сложились предпосылки для выхода чеченцев и ингушей из глубин перенаселенных гор на плодородные равнины. Но на пути переселенцев вставали дружины мусульманских князей Кабарды и Кумыкии. Крымское ханство разоряло набегами земли кавказцев, угоняя для продажи в рабство тысячи людей. А с юга, из-за хребта, под мусульманскими знаменами шествовали войска Османской Турции и шахского Ирана. Ведь, по словам К. Маркса, «коран и основное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две нации: правверных и неверных. Первый — это «харби», враг. Ислам ставит на верных вне закона и

создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 167).

В XVI—XVII вв. вайнахи вступили в тесные экономические, политические, культурные связи с другими северокавказскими народами, исповадовавшими ислам. Вот в таких внешнеполитических условиях и окружении оказались вайнахи в этот период. Сам ход истории толкал их к принятию ислама. Сказались и оторванность от горной языческо-христианской основы, и «разноплеменной» состав переселенцев.

С освоением равнинных земель земледелие, скотоводство, ремесло, торговля шли по восходящей линии и параллельно с этим в отдельных семьях накапливались богатства, усиливался процесс социальной дифференциации. Верхи быстро ощутили выгоды приобщения к исламу, само название которого означает «покорность». Теперь они могли пользоваться формулами: «Вся власть на земле от бога», «Аллах дал вам преимущества одного перед другим в жизненном уделе» и т. п. В преданиях сохранились имена первых проповедников ислама (Термаолы, Берсы, Баты), которые не только проповедовали, но и физически уничтожали противников ислама. Те же, кто не желал принимать новую веру, были вынуждены уходить за Терек, в казачьи станицы или переселяться в Грузию. Принятие ислама отдельными чеченскими и ингушскими обществами было одновременным актом. Одним из очагов, откуда распространялся ислам на территорию Чечено-Ингушетии, был Дагестан.

Письменные источники XVI—XVII вв. сообщают, что первыми из вайнахских обществ приняли мусульманство обитатели Юго-Восточной Чечни (Ичкерии) и плоскостных районов края. Это и вполне понятно, если учесть их расселение на границе с равнинами Предкавказья и горным Дагестаном, жители которых уже прочно исповедовали ислам.

Принявший подданство России в 1588 году Ших-Мурза Окоцкий (предводитель одного из чеченских обществ), уже был мусульманином, как и большинство из его окружения. Внук Ших-Мурзы Айбир-Мурза в 1645 году присягнул новому царю Алексею Михайловичу также на «куране» (коране).

В Аргунском ущелье еще во второй половине XVII в. мусульмане составляли лишь часть чеченского населения. Это подтверждается и археологическими материалами. Так, в долине Аргуна известны склепы, лещерные и каменные погребения XIV—XVIII вв. «языческого» характера.

Ранне-мусульманские погребения XVII в. близ сел. Пакоч, Асланбек-Шерипово, Верды еще очень далеки от подлинно мусульманских стандартов. Так, например, расчищенное захоронение у сел. Пакоч характеризовалось смешанным мусульманско-христианско-языческим обрядом. Умерший поконился вытянуто на спине с руками, скрещенными на груди, у южной стены могилы, под которой

имелась, склеповидная камера и чурт, украшенный языческой символикой.

Таким образом, на первых порах новая религия заметно впитывала в себя исконные традиции, стараясь приспособиться к ним. Для мусульманских молений перестраивались жилые и боевые башни, мечети строились с учетом местных вкусов.

Запоминательна мечеть у чеченского горного сел. Эткала в Ар-гунском ущелье. Ее минарет выполнен в виде минаретушки, изящной, типично вайнахской боевой башни с пирамидально-ступенчатым венчаем.

Мусульманское духовенство издавна связывало почитавшиеся места с именами различных «святых». В исламские амулеты включались камни, минералы, раковины-каури, известные со времен язычества.

Долго держались языческие традиции в оформлении надгробных памятников. Предметы, которые ранее сопровождали каждое захоронение, стали изображаться на чуртах. Очевидно, они уже в таком виде посвящались умершим.

В XVIII в. полностью завершился процесс исламизации равнинной зоны Чечено-Ингушетии. Позже всех начинают принимать мусульманство горцы ингуши. Последним (в 1861 году) принял новую религию ингушский аул Гвилети, расположенный на Военно-Грузинской дороге. Но в этом районе пережитки доисламских верований отмечались исследователями еще в 20—50-х гг. нашего столетия, когда на вершине, например, горы Мат-Лам (Джейраховское ущелье) проходили моления и жертвоприношения, адресованные прежним богам.

В целом, победа ислама не была быстрой и безболезненной. Физически уничтожались приверженцы иных концепций. Разрушались древние святилища и храмы. Горцам навязывались новые формы эксплуатации со стороны мулл, кадиев, шейхов и других, оказавшихся в одном лагере с нарождающимися феодалами.

Параллельно ислам активно проникал во все сферы духовной жизни вайнахов, содействовал (наряду с передовым российским влиянием) общему культурному росту и подъему чеченцев и ингушей, приобщению их к общемировым ценностям. Как отмечает сегодня А. Д. Яндаров, «начиная с последней трети прошлого века формируется мусульманско-религиозная культура вайнахов, немало горцев знают арабскую грамоту, теологию, знакомятся с достижениями естествознания. Чеченские авторы издают книги по теологии, филологии, истории на основе арабской письменности». Многие из этих образцов культурной сокровищницы народов были безжалостно растоптаны катком чудовищных репрессий сталинизма.

Следует отметить, что и по сей день обиденное религиозное сознание верующих далеко от канонов ислама и включает в себя различные виды суеверий, пережитки магии, фетишизма, анимизма и

др. На это указывал еще этнограф Е. М. Шиллинг в 1931 году. Он писал, что религиозные верования чеченцев и ингушей «нельзя сводить лишь к исламу», что в них содержатся «яркие черты домусульманских народных верований». Последние, однако, неправомерно смешиваются с исламом и освящаются им. К числу реликтовых форм верований можно отнести некоторые виды магии (лечебная, любовная, метеорологическая), веру в сакральную силу амулетов, «вещные» сны, «сглазы», «порчу», добрых и злых духов, колдовство и др.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К. Объявление войны. К истории познания восточного вопроса. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10.
Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
Алироев И. Ю. Сравнительно-справочный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975.
Алироев И. Ю. Астрономическая терминология в вайнахских языках. / АЭС. Т. 4. Грозный, 1976.
Алироев И. Ю. Нахские языки и культуры. Грозный, 1978.
Археология и вопросы этнизма. Грозный, 1977.
Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
Атенстическое и интернациональное воспитание в преподавании исторических дисциплин. Грозный, 1988.
Ахриев Ч. Ингушские праздники. / ССКГ. Вып. 5. Тифлис, 1871.
Ахриев Ч. Ингуши (их предания, верования и поверья). / ССКГ. Вып. 8. Тифлис, 1875.
Бараниченко Н. Н., Чахкиев Д. Ю. Проникновение христианства в Чечено-Ингушетию. Буклет. Грозный, 1984.
Бараниченко Н. Н., Чахкиев Д. Ю. Проникновение ислама в Чечено-Ингушетию. Буклет. Грозный, 1984.
Беликая Н. Н., Виноградов В. Б. Доисламский религиозный синкретизм у вайнахов. / Сов. этнография. 1989. № 3.
Виноградов В. Б., Бараниченко Н. Н., Межидов Д. Д. Библиография основных отечественных работ по религиозным воззрениям вайнахов в дореволюционном прошлом. Грозный, 1981.
Виноградов В. Б., Межидов Д. Д., Успаев Г. И. Религиозные воззрения в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972.
История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М., 1988.
Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII—XVII вв.). Грозный, 1977.
Мужухоев М. Б. Из истории язычества вайнахов (пантеон божеств в позднем средневековье). / Советская этнография. 1985. № 2.
Мужухоев М. Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа. Грозный, 1989.
Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988.

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. I. Грозный, 1967.
 Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986.
 Ужахов М. Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. Грозный, 1979.
 Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания. Грозный, 1979.
 Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
 Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.
 Яковлев Н. Ф. Ингуши. М.: Л., 1925.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перестройка межнациональных отношений, осуществляемая в нашей стране, вызвала небывалый интерес народов к языку, быту, культуре друг друга. Она же заставила вновь обратиться к этническому своеобразию и культурному наследию современных советских наций и народностей с тем, чтобы, используя позитивный опыт вековых традиций и социалистического переустройства общества, быстрее изживать немалые накопившиеся негативные пережитки и факторы.

Полагаем, что представленное краткое пособие, вобравшее в себя сведения о многих (но далеко не всех!) сторонах многогранного быта и культуры чеченцев и ингушей, поможет в решении обозначенных проблем.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭС	— Археолого-этнографический сборник.
ИННИК	— Ингушский научно-исследовательский институт краеведения.
КЭС	— Кавказский этнографический сборник.
СКНЦВШ	— Северо-Кавказский научный центр высшей школы.
ССКГ	— Сборник сведений о кавказских горцах.
ЧИННИЦЯЛ	— Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ЧННИИИЯЛЭ	— Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и экономики.
ЧИРКМ	— Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. ВАЙНАХСКИЙ ЭТНИЧЕСКИЙ МАССИВ. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ВАЙНАХОВ С ДРУГИМИ НАРОДАМИ	7
Глава II ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ И ЭТНОГЕНЕЗА. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ	14
Глава III. ХОЗЯЙСТВО	
§ 1. Земледелие	20
§ 2. Скотоводство	24
§ 3. Охота	26
§ 4. Кустарные промыслы и ремесла	27
Глава IV. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	
§ 1. Поселения и жилища	37
§ 2. Пища	43
§ 3. Одежда	45
§ 4. Оружие	50
Глава V СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ	
§ 1. Особенности социального строя	57
§ 2. Общественный строй	60
Глава VI. СЕМЕЙНЫЙ БЫТ	66
Глава VII. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ	
§ 1. Основные черты духовной культуры	78
§ 2. Эволюция религиозных верований вайнахов	82
Заключение	93
Список сокращений	94

ОЧЕРКИ ЭТНОГРАФИИ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ
(Дореволюционный период)

Великая Наталья Николаевна
Виноградов Виталий Борисович
Хасбулатова Зулай Имрановна
Чахкиев Джабраил Юрьевич

Редактор Е. Г. Бесчетнова.
Технический редактор И. Ю. Лукьянова.
Корректор З. А. Алдиева.

Свод. темплан 1990 года.

Сдано в набор и подписано в печать 5.04 1990 г.
Формат 60х84 1/16 Бумага типографская Гаряitura-литературная
Печать высокая Усл. печ. л. 6,00 Уч. изд. л. 6,00 Тираж 1500 Заказ № 4399 Цена 1 р.

Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга»
Государственного комитета Чечено-Ингушской АССР по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли 364907, Грозный, ул. Субботников, 85

Чечено-Ингушский государственный университет им. Л. Н. Толстого,
364907, Грозный, ул. А. Шерипова, 32